

Новый католический временник

Альманах русских католиков

Выпуск № 1

**ММХІІІ
МОСКВА**

Новый католический временник
Альманах русских католиков
вып. № 1, 2013 г.

Распространяется бесплатно.

Тираж: 100 экз. СМИ освобождено от госрегистрации в связи с малостью тиража (ст. 12 Закона РФ о СМИ).

Редакционная коллегия:

свящ. Шейн [Иоанн] Пеццутти FSSPX (Главный Редактор), Пучкин Дмитрий Эдуардович (ответственный секретарь)

Папа Лев XIII
Окружное Послание
Libertas praestantissimum

Патриархам, примасам, архиепископам и епископам католического мира в милости и общении с Апостольским Престолом.

Досточтимые братья, приветствия вам и Апостольское благословение.

1. Свобода, величайший из природных даров, принадлежат лишь существам интеллектуальным, или разумным, оделяет человека его достоинством — тем, что он пребывает «в руке произволения [своего]»**(1)** и обладает властью над своими действиями. Но важнейшее значение имеет тот образ, которым человек этим достоинством пользуется, поскольку от того, как используется свобода, зависят равно и высочайшее благо, и страшнейшее зло. Воистину, человек свободен следовать своему разуму, искать нравственного блага и неудержимо стремиться к своей конечной цели. Но свободен от также и отвращаться от этого ко всему прочему и, преследуя лишь пустую видимость блага, нарушать правомочный порядок и впадать во крах, по своей воле им избранный. Искупитель человечества, Иисус Христос, восстановив и возвысив изначальное достоинство природы, удостоил волю человека особой помощью, и дарами

Своей благодати здесь и обетованием небесного блаженства впоследствии возвел её к более благородному состоянию. Подобным же образом и сей великий природный дар всегда пестовался и будет пестоваться Католической Церковью, ибо Ей одной вверена миссия передавать во все века блага, приобретенные для нас Иисусом Христом. Есть, однако, многие, воображающие, будто Церковь враждебна по отношению к человеческой свободе. Имея ложное и абсурдное представление о том, что есть свобода, они либо извращают саму её идею, либо произвольно распространяют её на множество вещей, в отношении которых человек не может по праву считаться свободным.

2. При иных случаях, а в особенности — в Нашем окружном послании «*Immortale Dei*» (2), говоря о так называемых современных свободах, мы проводили различие между их благими и дурными составляющими; показали Мы также, что то, что в этих свободах хорошо — то древне, как сама истина, и что Церковь всегда охотно одобряла и применяла это хорошее; то же, что было к ним добавлено нового — то, говоря прямо и правдиво, извращено, является плодом нестроений века сего и ненастной погони за новшествами. Видя, однако, сколь многие упрямо держатся по этому вопросу своего собственного мнения, предписывающего воображать, будто изъязвленные червоточинами современные свободы — величайшая слава наших лет и самая основа гражданской жизни, без которой невозможно представить себе никакого совершенного правительствa, Мы находим Своим неотложным долгом, ради общего блага, обратиться к этому предмету отдельно.

3. Сразу же перейдем Мы к нравственной свободе, будь то отдельных лиц или сообществ. Но прежде всего уместно будет сказать кратко о естественной свободе, ибо она, хотя и отлична от нравственной свободы, есть тот источник, из которого проистекает свобода какого бы то ни было рода — *sua vi suaque sponte*. Единодушное согласие и рассуждение людей, являющееся достоверным голосом природы, признаёт эту естественную свободу лишь за теми, кто наделен интеллектом, или разумом; благодаря тому, что человек им пользуется, он верно считается ответственным за свои действия. Ибо, тогда как прочие одушевленные создания следуют своим чувствам, ищут блага и избегают зла лишь в силу инстинкта, человек имеет разум, руководящий им во всех и каждом действии его жизни. Разум видит, что предметы, считающиеся на земле ценными, могут существовать, а могут и не существовать, и рассудив, что ни один из них не является для нас необходимым, оставляет воле свободу выбирать, что ей угодно. Но человек может судить об этой случайности, как Мы её назовем, лишь потому, что имеет душу — неделимую, духовную и интеллектуальную; душу, не произведенную какой-либо телесной причиной и не зависящую в своем существовании от какой-либо телесной причины, но сотворенную непосредственно Богом и, намного превосходя состояние материальных предметов, имеющую собственную жизнь и действие — таким образом, что, зная неизменяемые и необходимые причины истинного и благого, она ни в каком отдельном виде телесного блага не видит для нас необходимости. Когда же устанавливается, что душа человека бессмертна, наделена разумом и не связана материальными предметами, тогда закладывается прочнейшее основание естественной свободы.

4. Как в сильнейших выражениях утверждает Католическая Церковь неделимость, духовность и бессмертие души, так с несравненным постоянством и громкостью провозглашает Она и её свободу. Истины эти Она всегда преподавала и придерживалась их как догмата веры, и всякий раз, когда еретики или обновленцы нападали на свободу человека, Церковь защищала её и оберегала эти благородные дары от уничтожения. История свидетельствует об энергии, с которой противостояла Церковь ярости манихеев и им подобных; всем известна та искренность, с которой в позднейшие годы защищала Она человеческую свободу на Тридентском Соборе и против последователей Янсения. Никогда и нигде не примирялась Она с фатализмом.

5. Свобода, как Мы говорили, принадлежит лишь тем, кто обладает даром разума, или интеллекта. С точки зрения своей природы это — возможность выбирать средства, подходящие для достижения предполагаемой цели, ибо властитель своих действий — тот, кто способен выбирать нечто одно из множества. Итак, поскольку всё, выбранное в качестве средства, рассматривается как благое или полезное, и поскольку благо как такое — подобающий предмет нашего устремления, отсюда следует, что свобода выбора это принадлежность воли или, скорее, совпадает с волей в той степени, в какой имеет в своих действиях возможность выбора. Воля, однако, не может перейти в действие, пока не будет просвещена знанием, которым обладает интеллект. Иными словами, благо, которого желает воля, необходимым образом хорошо настолько, насколько известно интеллекту; тем более, что во всех добровольных дейст-

виях выбор является следствием суждения об истинности представленных благ, объявляющего, какому благу должно быть отдано предпочтение. Ни один разумный человек не может сомневаться в том, что суждение есть акт разума, а не воли. Целью или же объектом как разумной воли, так и её свободы является лишь то благо, которое согласуется с разумом.

6. Однако же, поскольку оба этих качества несовершенны, возможно, — как мы часто и наблюдаем, — что разум предлагает нечто, что в действительности не есть благо, но имеет внешнюю видимость блага, и воля делает выбор в соответствии с этим. Ибо как возможность ошибки и сама ошибка суть дефекты разума, свидетельствующие о его несовершенстве, так и стремление к тому, что имеет ложную видимость блага, хотя и будучи доказательством нашей свободы, как болезнь — доказательство нашей жизнеспособности, предполагает дефект этой свободы. Также и воля, ввиду своей зависимости от разума, желает чего-либо противоположного благу не иначе, как злоупотребляя своей свободой выбора и искажая саму её суть. Вот почему бесконечно совершенный Бог, хотя и будучи в высшей степени свободен, благодаря превосходству Своего разума и присущей Ему благодати, тем не менее, не может выбрать зло; не могут этого сделать и ангелы и святые, обладающие блаженным видением. Св. Августин и другие значительнейшим образом выдвигали против пелагиан тот аргумент, что, если бы способность отклониться от добра принадлежала к сути или совершенству свободы, то Бог, Иисус Христос, ангелы и святые, не имеющие такой возможности, были бы вовсе лишены свободы или имели бы свободу меньшую, нежели человек в своем

странствии и несовершенстве. Этот предмет часто обсуждается и у Ангельского Доктора, который демонстрирует, что возможность грешить — не свобода, а рабство. Довольно будет процитировать его пронизательный комментарий с словам нашего Господа: «всякий, делающий грех, есть раб греха» (3). «Всё, — говорит он, — есть то, что по природе ему принадлежит. Следовательно, когда оно действует под влиянием силы извне себя, то действует не само по себе, а под влиянием иного, то есть как раб. Человек же по природе своей разумен. Следовательно, когда он действует в соответствии с велением разума, то действует сам и по своей свободной воле; сие есть свобода. Когда же, согрешая, он действует в противоречии с разумом, то движим иным и является жертвою чужого заблуждения. Поэтому "всякий, делающий грех, есть раб греха"» (4). Истину эту ясно признавали даже языческие философы, особенно те, кто полагал, что свободен лишь мудрый человек; под выражением же «мудрый человек», как хорошо известно, подразумевался человек, наученный жить в соответствии со своей природой, то есть в справедливости и добродетели.

7. Итак, состояние человеческой свободы таково, что она необходимым образом нуждается в свете и силе, направляющих её действия ко благу и удерживающих их от зла. Без этого свобода нашей воли была бы нам гибелью. Прежде всего, должен быть закон, то есть — установленное правило учения о том, что **должно** делать и чего не **должно**. Правило это не может в каком-либо истинном смысле влиять на низших животных, поскольку они действуют по необходимости, следуя своему природному инстинкту, сами же по себе не мо-

гут действовать каким-либо другим способом. С другой стороны, как уже было сказано выше, тот, кто свободен, может как действовать, так и не действовать, способен делать то или это по своему усмотрению, поскольку его выбору предшествует суждение. Суждение же его не только решает, что верно или неверно по своей природе, но и — что является практическим благом и, следовательно, должно быть выбрано, а что — практическим злом и, следовательно, его нужно избегать. Иными словами, разум предписывает воле, к чему она должна стремиться или чего бежать, дабы в конце концов была достигнута конечная цель человека, ради которой он и должен выполнять все свои действия. Это подчинение разуму называется законом. Следовательно, в свободной воле человека или в нравственной необходимости наших добровольных действий в соответствии с разумом лежит самый корень необходимости закона. Нет более глупых слов или мыслей, нежели идея о том, что, поскольку человек по природе свободен, он изъят из действия закона. Будь так, оказалось бы, что, дабы стать свободными, мы должны лишиться разума, тогда как в действительности верно то, что мы обязаны подчиняться закону именно потому, что по самой своей природе свободны. Ибо закон — руководитель действий человека; он обращает человека ко благу своими наградами и отвращает его от зла своими карами.

8. Первым в этом отношении выступает естественный закон, написанный и высеченный в сердце каждого человека; сие — ничто иное, как наш разум, повелевающий нам делать праведное и запрещающих грех. Тем не менее, все предписания человеческого разума

могут иметь силу закона лишь в той степени, в какой являются голосом и толкованием некой высшей силы, от которой по необходимости зависят наши разум и свобода. Ибо, поскольку сила закона состоит в наложении обязательств и даровании прав, единым и единственным основанием всякого закона является власть — иными словами, возможность устанавливать обязанности и определять права, а также назначать всем и каждому, находящемуся под её началом, необходимые меры поощрения и наказания. Всё это, очевидно, не может заключаться в человеке, как если бы он, сам себе будучи верховным законодателем, стал бы мерилем своих собственных действий. Отсюда следует, что естественный закон — то же, что и вечный закон, вживленный в разумные существа и склоняющий их к надлежащим действиям и целям, и он не может быть ничем иным, как вечным разумом Бога, Творца и Правителя всего мира. И Бог соизволил придать этому правилу действия и сдерживания зла особые и самые умственные меры помощи, дабы укрепить и упорядочить волю человека. Первая и превосходнейшая из этих мер — сила Его Божественной благодати, посредством которой разум может просвещаться, а воля — благотворно укрепляться и подвигаться к постоянному стремлению к нравственному благу, так что использование врожденной нашей свободы становится и проще, и безопаснее. Божия помощь никоим образом не стесняет свободного движения нашей воли — совсем наоборот, ибо благодать действует в человеке внутренне и в гармонии с естественными его наклонностями, поскольку исходит от Самого Творца наших разума и воли, Который все предметы движет в соответствии с их природой. Как указывает Ангельский Доктор, Божественная

благодать потому так чудесно приспособлена для охранения всякой природы, поддержания её характера и действительности, что поступает от Виновника этого естества.

9. То, что было сказано о свободе отдельных лиц, не в меньшей степени применимо к ним и тогда, когда они рассматриваются как объединенные в гражданское общество. Ибо что разум и естественный закон делают для людей, то закон человеческий, изданный ради их блага, делает для граждан государства. Из законов, вменяемых людьми, некоторые касаются того, что хорошо или дурно по самой своей природе и требуют от людей следовать верному и избегать неверного, прибавляя к этому уместные меры. Но такие законы никоим образом не ведут своё происхождение из гражданского общества, ибо, как гражданское общество не создало человеческую природу, так нельзя его назвать и создателем блага, подобающего этой природе, или зла, противоречащего ей. Законы предшествуют совместной жизни людей в обществе и порождены естественным, а отсюда — вечным, законом. Следовательно, предписания естественного закона, оформленные в виде человеческих законов, не просто имеют силу человеческого закона, а обладают высшим и более царственным утверждением, принадлежащим к области закона природы и вечного закона. В области законов этого рода долг гражданского законодателя, прежде всего, — поддерживать общество в послушании путем принятия общей дисциплины и сдерживания людей упрямых и склонных к пороку, дабы они, удерживаемые от зла, могли обратиться ко благу или хотя бы не чинили бед и нестроений в государстве. Существуют и другие постанов-

ления гражданской власти, проистекающие из естественного закона не прямо, а некоторым образом опосредованно и решающие многие вопросы, которых закон природы касается лишь в общем и неопределенном виде. Например, хотя природа повелевает всем делать вклад в общественное спокойствие и процветание, то, что касается образа, обстоятельств и условий, при которых следует нести эту службу, должно быть определено человеческой мудростью, а не самой природой. Именно в построении этих частных правил жизни, предполагаемых разумом и благоразумием и выдвигаемых полномочной властью, и состоит человеческий закон в правильном смысле этого слова, обязывающий всех граждан вместе трудиться ради достижения общей цели, предложенной обществу, и запрещающий им отклоняться от этой цели, а также, пока человеческий закон подчиняется требованиям природы, ведущий ко благу и удерживающий от зла.

10. Отсюда явствует, что единственный стандарт и правило человеческой свободы — не только каждого отдельного человека, но и любой общности и гражданского общества, составяемого людьми вместе, — это вечный Божий закон. Следовательно, подлинная свобода человеческого общества состоит не в том, чтобы каждый человек делал, что ему заблагорассудится, ибо это закончилось бы просто суматохой и беспорядком и привело бы к низвержению государства, а в том, чтобы посредством предписаний гражданского закона все могли бы легче подчиняться требованиям закона вечно. Также и свобода тех, кто стоит у власти, состоит не в праве по своему капризу налагать неразумные бремена на своих подданных, что было бы столь же преступ-

но и привело бы к разрушению всеобщего благополучия; но связывающая сила человеческих законов — в том, что они должны считаться подзаконными актами вечного закона и не могут санкционировать что-либо, не содержащееся в вечном законе как в начале и принципе всякого закона. Так, св. Августин мудро говорит: «Полагаю, что вы можете видеть в то же время, что нет ничего справедливого и законного в этом земном законе, кроме почерпнутого людьми из закона вечного» (5). Если же кто-либо, стоящий у власти, предписывает нечто, не соответствующее принципам верного разума и, следовательно, вредное для общего блага, подобное предписание не может иметь обязывающей силы закона, не будучи правилом справедливости, а, несомненно, уводящим людей прочь от того блага, которое является самой целью гражданского общества.

11. Следовательно, природа человеческой свободы, как бы её ни рассматривать — применительно к отдельным лицам или к обществу, к тем, кто управляет, или к тем, кто подчиняется, — предполагает необходимость подчинения некому высшему и вечному закону, который есть не что иное, как власть Бога, повелевающего делать благо и запрещающего зло. Отнюдь не верно, что эта справедливейшая Божья власть над людьми уменьшает или даже уничтожает их свободу — напротив, она её защищает и совершенствует, ибо подлинное совершенство всех созданий находится в преследовании и достижении соответствующих им целей, конечная же цель, к которой должна стремиться свобода человека, это Бог.

12. Эти предписания истиннейшего и высочайшего учения, известные нам благодаря самому свету разума, всегда

распространяла и утверждала Церковь, побуждаемая примером и наставлением Своего божественного Основателя; ибо Она всегда имела их мерою Своего служения и Своих наставлений, преподаваемых Ею христианским народам. В том, что касается нравственности, законы Евангелия не только неизмеримо превосходят мудрость язычников, но и приглашают и вводят в состояние святости, неведомое древним, и, приближая человека к Богу, немедля делают его обладателем свободы более совершенной. Так, могущественное влияние Церкви всегда проявлялось в охранении и защите гражданской и политической свободы людей. В Нашу теперешнюю задачу не входит исчисление Её заслуг в этом отношении. Достаточно вспомнить тот факт, что рабство, древний позор языческих наций, упразднено было в основном благотворными усилиями Церкви. Беспристрастие закона и подлинное братство человека впервые были засвидетельствованы Иисусом Христом; Его же апостолы эхом вторили Его голосу, когда объявляли, что в будущем не будет ни иудея, ни язычника, ни варвара, ни скифа, но все — братья во Христе. Сколь сильно, столь очевидно в этом отношении влияние Церкви, что опыт обильно свидетельствует, как в той или иной земле, стоило Ей ступить туда, невозможны становились дикарские обычаи, но быстро приходила на смену жестокости доброта, и свет истины почти мгновенно разгонял тьму варварства. Не менее щедрой была Церковь в благах, что даровала цивилизованным народам во все века, противостояли тирании нечестивых или защищая невинных и беспомощных от несправедливости, или же, наконец, используя своё влияние для поддержки любой формы правительства, которое одобряли в пределах страны граждане благодаря его справедливости или которого боялись за её пределами враги этих граждан благодаря его силе.

13. Более того: высочайший долг — почитать власть и послушно подчиняться справедливому закону; благодаря этому члены общества получают действенную защиту от злодеяний дурных людей. Законная власть — от Бога, и «противящийся власти противится Божию установлению» **(6)**; следовательно, повиновение весьма благоприятно, если относится к *самой* справедливой и верховной из всех властей. Но там, где власть управления неполноценна, или где вводятся правила, противоречащие разуму, или естественному закону, или какому-либо установлению Бога, там повиновение незаконно, ибо, покоряясь человеку, мы были бы непокорны пред Богом. Таким образом, тирании поставлена преграда: власть в государстве не может решать всё по своему усмотрению, а все пользуются защитой своих прав — прав отдельных лиц, общин и всех членов общества; все вольны жить в соответствии с законом и верным разумом, а в этом, как Мы показали, и состоит настоящая свобода.

14. Если, обсуждая вопрос свободы, люди заботились бы о том, чтобы ухватить её истинный и законный смысл, только что объясненный разумом и рассуждением, никогда бы не посмели они возводить на Церковь такую напраслину и утверждать, будто Она — враг частной и общественной свободы. Но много тех, кто следует по стопам Люцифера и принимает, как свой, его мятежный вопль: «Не буду служить», и, как следствие, подменяет истинную свободу сущей и глупейшей вседозволенностью. Таковы, например, принадлежащие к широко распространенным и могущественным организациям, узурпирующим имя свободы (*libertas*) — именующие себя либералами.

15. То, на что нацелены натуралисты или рационалисты в области философии, сторонники либерализма, следуя принципам, изложенным натурализмом, пытаются предпринять в сфере нравственности и политики. Фундаментальная доктрина рационализма состоит в верховном превосходстве человеческого разума, который, отказывая в должном подчинении разуму божественному и вечному, провозглашает свою независимость и утверждает себя в качестве высшего принципа, источника и судии истины. Как результат, эти последователи либерализма отрицают существование какой-либо божественной власти, которой мы обязаны послушанием, и провозглашают каждого человека законом для самого себя; отсюда же вытекает система этики, называемая ими «независимой моралью», которая под видом свободы выводит человека из всякого подчинения Божью господству, заменяя оное безграничной вседозволенностью. Результат всего этого нетрудно предвидеть, особенно когда речь идет об обществе. Ибо стоит человеку прочно увериться в том, что он никому не подчинен, отсюда следует, что и действительную причину единств гражданского общества не нужно искать ни в каком принципе, внешнем по отношению к человеку или превосходящем его, но лишь в свободной воле отдельных лиц; что власть государства исходит лишь от людей и что, как разум каждого отдельного человека является единственным правилом его жизни, так и коллективный разум общества должен быть верховным управителем в распоряжении всеми общественными делами. Отсюда же — доктрина о превосходстве большего числа и о том, что всякое право и всякий почет принадлежат большинству. Но из сказанного ясно, что всё это противоречит разуму. Отвергать всякую связь

единства между человеком и гражданским обществом с одной стороны и Богом Творцом (и, следовательно, верховным Законодателем) — с другой, попросту противно природе не только человеческой, но и всего сотворенного, ибо все следствия по необходимости должны быть неким подобающим образом связаны со своей причиной, и к совершенству каждой природы относится то, чтобы она держалась в области и степени, предписанных ей общим природным порядком, а именно — чтобы низшее подчинялось и повиновалось высшему.

16. Далее: помимо сего, подобная доктрина весьма вредна как для лиц, так и для государства. Ибо стоит лишь приписать человеческому разуму единственную власть решать, что истинно и что благо — и уничтожится подлинное различие между добром и злом, честь и бесчестие различаются не по природе, а по мнению и суждению каждого, удовольствие делается мерой законности, а учитывая кодекс морали, почти или вовсе не имеющий никакой силы сдерживать или утихомиривать буйные склонности человека, естественным образом открывается путь ко всеобщему развращению. То же относится и к общественным делам: власть отрывается от истинного и естественного принципа, из которого черпает всю свою действенность по отношению к общему благу, а закон, определяющий, что правильно делать и чего избегать, отдается на милость большинства. Это попросту — дорога, ведущая к тирании. Как только мы отречёмся от владычества Бога над человеком и гражданским обществом, выйдет, что религия как общественный институт лишится права на существование, и ко всему, принадлежащему к области религии, станут относиться с полнейшим безразличием. Бо-

лее того: амбициозные помыслы о собственной независимости будут порождать в людях бунт и мятежность; когда же долг и совесть перестанут взывать к ним, не останется ничего, способного их сдержать, кроме лишь силы, которая сама по себе не может ограничить их алчность. Почти что ежедневные свидетельства этому получаем мы в конфликте с социалистами и членами прочих подстрекательских обществ, неустанно трудящимися ради свершения революции. Тем же, кто способен сформировать верное представление о предметах, остается решать: способствуют ли подобные доктрины истинной свободе, которая одна достойна человека, или же извращают и разрушают её.

17. Верно, что существуют некоторые приверженцы либерализма, не разделяющие этих мнений, которые, как мы видим, страшны в своей гнусности, открыто противостоят истине и являются причиной самых чудовищных зол. Очень многие из этих людей, принужденные силою истины, не медлят признать, что подобная свобода порочна, что она — простая вседозволенность, несдержанная в своих требованиях и отрицающая истину и справедливость, и посему предпочитают, чтобы свободой управлял и направлял верный разум и, следовательно, она подчинялась естественному закону и вечному закону Божию. Но здесь они находят возможным остановиться, полагая, что человек как свободное существо не связан никаким божественным законом, кроме лишь такого, который Бог доводит до нашего сведения посредством нашего естественного разума. В этом они непоследовательны. Ибо если — как вынуждены они признать и как никто не вправе отрицать — воле Божественного Законодателя нужно подчиняться,

поскольку всякий человек под властью Божией и стремится к Нему как к своей цели, отсюда следует, что никто не может устанавливать пределы Его законодательной власти, не выпадая из долженствующего подчинения оной. В самом деле, если ум человека столь самонадеян, чтобы определять природу и протяженность прав Бога и своих собственных обязанностей, почитание закона Божия будет лишь мнимым, а не подлинным, и произвольное суждение возобладает над властью и провидением Бога. Значит, человек должен черпать свой стандарт верной и религиозной жизни в вечном законе и во всех и каждом из тех законов, которые Богу в Его бесконечной мудрости и всевластии угодно было поставить и дать нам знать о них столь ясными и безошибочными знаками, что не остается места для сомнений. Тем паче так, что, поскольку законы этого рода имеют одно и то же происхождение, Одного и Того же Автора, что и вечный закон, они находятся в совершенном согласии с верным разумом и совершенствуют естественный закон. Законы эти как бы воплощают правление Божие, а Бог благодатно ведет и направляет интеллект и волю человека, уберегая их от ошибок. Так да остаются же оные в святом и нерушимом союзе, который не может и не должен быть разорван; и во всём — ибо так диктует сам верный разум — да будет должное и послушное служение Богу.

18. Есть и другие, в чём-то более умеренные, хотя и не более последовательные, утверждающие, что руководствоваться Божественным законом должна нравственность отдельных лиц, но не нравственность государства, поскольку в общественных делах Божьими повеления можно оставлять без вни-

мания, а при формировании законодательства — всецело пренебрегать ими. Отсюда вытекает роковая теория о необходимости разделения Церкви и государства. Однако абсурдность такой позиции очевидна. Сама природа провозглашает необходимость того, чтобы государство предоставляло обществу средства и возможности жить правильным образом, то есть в соответствии с законами Бога. Ибо поскольку Бог — источник всякого блага и справедливости, совершенно нелепо было бы, если бы государство не обращало внимания на эти законы или отменяло их противоположными установлениями. Кроме того, стоящие у власти обязаны обществу не только обеспечением его внешнего благосостояния и житейских удобств, но и — ещё более — учетом благополучия душ человеческих в мудрости своего законодательства. Но для этих благ не находится ничего более подходящего, нежели законы, автором своим имеющие Бога; а значит, те, кто в управлении государством не принимают во внимание эти законы, злоупотребляют политической властью, отклоняя её от надлежащей цели и от того, что предписано самой природою. Что же ещё важнее, и на что Мы не раз указывали, это то, что хотя непосредственное предназначение гражданской власти иное, нежели у власти духовной, и они следуют разными путями, всё же в исполнении своих отдельных полномочий они не могут порой не сходиться. Ибо подданные их — одни и те же, и нередко они имеют дело с теми же предметами, хотя и по-разному. Когда так происходит, то, поскольку состояние конфликта абсурдно и явным образом противно премудрому Божию установлению, должен с необ-

ходимостью существовать некий порядок или процедурный способ устранения разногласий и раздоров и обеспечения гармонии во всём. Гармония эта уместно сравнивается с тою, что существует между телом и душой ради благосостояния обоих, разделение которых причиняет телу неисправимый вред, поскольку прекращает саму его жизнь.

19. Дабы это стало более очевидно, следует рассмотреть рост свободы, приписываемый нашему веку, в отдельных его подробностях. Сперва взглянем на ту свободу лиц, которая противостоит добродетели религии, а именно — на так называемую свободу культа. Она основывается на принципе, согласно которому каждый человек свободен выбирать себе по вкусу любую религию или не выбирать никакой.

20. Несомненно, однако, что из всех обязанностей, которые должен выполнять человек, важнейшая и святейшая — та, что повелевает ему почитать Бога преданностью и благочестием. Это с необходимостью следует из той истины, что мы всегда во власти Бога, всегда водимы Его волей и Провидением и, от Него изойдя, к Нему же должны возвратиться. Добавим к этому, что никакая подлинная добродетель не может существовать без религии, ибо нравственная добродетель относится к тому, что ведет к Богу как к высшему и конечному благу человека; следовательно, религия, как говорит св. Фома, «выполняет те действия, которые прямо и непосредственно предписываются Божией честью» (7), управляет всеми добродетелями и способствует их гармоничному сочетанию. На вопрос же о том, какую из многих соперничающих религий необходимо принять, ра-

зум и естественный закон незамедлительно отвечают нам, что надобно следовать той из них, которую предписывает Бог и которую люди могут легко распознать по определенным внешним признакам, которыми пожелало отличить ее Божественное Провидение, поскольку в этом деле ошибка влечет за собой самый страшный ущерб. Поэтому, когда человеку предлагается свобода такая, какая Нами описана, ему дается власть безнаказанно извращать или покидать святейшую из обязанностей и променивать неразменное благо на зло; а это, как Мы сказали, не свобода, но деградация оной и униженное подчинение души греху.

21. Свобода подобного рода, если рассматривать ее в отношении государства, явно предполагает, что нет причин, по которым государство было бы чем-либо обязано Богу или могло желать какого-либо общественного признания Его; что ни одна форма культа не должна быть в предпочтении, но все должны иметь равные позиции, не принимая во внимание религию народа, даже если тот исповедует католическую веру. Но чтобы оправдать такое, нужно принять за истину, что государство не имеет обязанностей по отношению к Богу, или что таковые обязанности, если и существуют, могут быть безнаказанно оставлены, а и то, и другое утверждение явственно ложно. Ибо не может быть сомнений в том, что люди объединены в гражданское общество волею Божией, идет ли речь о его составных частях, или о его форме, предполагающей наличие власти, или о цели его существования, или об изобилии значительных благ, предоставляемых им человеку. Именно Бог создал человека для общества и поместил его в собрание других ему подобных, дабы то, чего недостает его природе

и недоступно ему в одиночку, он мог получить, сообщаясь с другими. Посему гражданское общество должно признавать Бога своим Основателем и Родителем и с почтением подчиняться Его силе и власти. Справедливость, следовательно, запрещает государству, как запрещает и сам разум, быть безбожным или принимать такой курс действий, который приводит к безбожию — а именно, относиться к различным религиям (как их называют) одинаково и без разбора оделять их равными правами и привилегиями. Поскольку в государстве необходимо исповедание единой религии, религия эта должна быть той единственной, что истинна и может быть без труда признана, в особенности в католических государствах, поскольку на ней как бы высечены знаки истинности. Следовательно, религию эту правители государства должны хранить и защищать, если желают — как им надлежит — с благоразумием и пользой способствовать благу общества. Ибо общественная власть существует ради благополучия тех, кем управляет и, хотя непосредственная ее цель — приведение людей к процветанию в сей жизни, при этом она всё же не должна уменьшать, а должна, напротив, увеличивать возможность достижения человеком высшего блага, в котором состоит его вечное счастье. Оно же невозможно достигнуть, отбросив религию.

22. Всё это, однако, Мы уже разъясняли более подробно в другом месте. Сейчас же Мы желаем лишь добавить то замечание, что свобода столь фальшивой природы весьма вредна для истинной свободы как правителей, так и их подданных. Религия по сути своей удивительно полезна для государства. Ибо поскольку она в конечном счете отсчитывает происхождение вся-

кой своей власти напрямую от Самого Бога, то властно обязывает правителей помнить о своем долге, править своим народом без несправедливости или жестокости, с добротой и почти что родительской любовью; подданных же увещевает быть послушными законным властям, как слугителям Божиим, и связывает их с правителями не только послушанием, но также почтением и чувством близости, запрещая всякое подстрекательство и дерзкие предприятия, направленные на нарушение общественного порядка и спокойствия, приводящие к тому, что на свободу народа накладываются большие ограничения. Излишне упоминать о том, как способствует религия чистоте нравственности, а чистота нравственности — свободе. Разум показывает, а история подтверждает, что чем выше нравственность в государстве, тем больше возрастают в нем свобода, богатство и могущество.

23. Теперь нужно кратко рассмотреть свободу слова и свободу печати. Едва ли необходимо говорить о том, что подобное право не может существовать, если не используется с умеренностью и если выходит за рамки и цели всякой подлинной свободы. Ибо право — нравственная сила, и, как Мы говорили прежде и должны вновь и вновь повторять, абсурдно предполагать, что природа приняла его без учета истины и лжи, справедливости и несправедливости. Люди имеют право свободно и благоразумно распространять в государстве всё, что только истинно и благородно, дабы как можно больше граждан обрело его; но лживые мнения, с которыми не сравнится ни одна другая чума для умов, и пороки, совращающие сердце и нравственную жизнь, общественная власть должна усердно подавлять, не поз-

воля им способствовать разрушению государства. Неумеренность ничем не сдержанного интеллекта, непременно кончающаяся притеснением наивной толпы, власть закона контролирует по такому же праву, как и оскорбления, наносимые насилем по отношению к слабым. Тем паче так, что много большая часть общества либо неспособна вовсе, либо если и способна, то с огромным трудом, избежать иллюзий и обманных ухищрений, в особенности — таких, что льстят страстям. Если всем обеспечена будет необузданная вседозволенность речи и письма, то не останется ничего священного и не оскверненного; не получают пощады даже высочайшие и истиннейшие наказания природы, справедливо считающиеся всеобщим и самым благородным наследием человеческого рода. Истина будет постепенно затенена мраком, и многообразные пагубные заблуждения, как часто случаются, легко возобладают. Также и здесь вседозволенность соберет то, что утратит свобода; ибо чем больше сдерживается вседозволенность, тем больше широта и безопасность свободы. Однако же в отношении всех тех мнений, которые Бог оставляет людям для вольного рассуждения, каждому принадлежит естественное право на полную свободу мысли и речи, ибо такая свобода никогда не ведет людей к подавлению истины, но часто — к ее обнаружению и обнародованию.

24. Подобное суждение можно вынести и в отношении того, что именуется свободой преподавания. Не может быть сомнения в том, что умы людей должна проникать лишь истина, ибо в ней обретаются благополучие, цель и совершенство всякой разумной природы; следовательно, ничто, кроме истины, не должно препода-

даваться ни несведущим, ни ученым, дабы знание приносилось лишенным его и сохранялось в им обладающих. По этой причине долг всех преподающих — ничто иное, как изгнание из умов ошибки и постановление надежной преграды на пути всякого ложного убеждения. Отсюда с очевидностью следует, что свобода, о которой Мы говорим, совершенно противна разуму и всецело склонна извращать умы людей, поскольку требует для себя права преподавать, что заблагорассудится; государство не может дать такое право, не нарушая свой долг. Тем паче так, поскольку учителя пользуются у слушающих их большим авторитетом, и те редко могут сами решить, что истинно и что ложно в даваемых им наставлениях.

25. По этой причине таковая свобода, чтобы быть достойна своего имени, должна также удерживаться в определенных рамках, дабы служение учителя не обратилось безнаказанно в инструмент совращения. Истина, долженствующая быть единственным предметом учащихся, бывает двух видов: естественная и сверхъестественная. Касательно естественных истин, таких, как принципы природы и то, что извлекается из них непосредственно нашим разумом, имеется в роде человеческом некоторое общее наследие. На нем, как на прочном основании, стоят нравственность, справедливость, религия и самые узы человеческого общества; попускать их нарушение или уничтожение было бы весьма нечестиво, весьма глупо и весьма бесчеловечно.

26. Но не с меньшей религиозной заботой должны мы хранить и то великое и святое сокровище истин, которым научил нас Сам Бог. Защитники христианства

часто прибегают ко множеству убедительных аргументов, излагая ключевые истины, а именно - что некоторые предметы были явлены Богом в откровении; что Единородный Сын Божий соделался плотью, дабы свидетельствовать об истине; что Им было основано совершенное общество, а именно — Церковь, Главою Которой Он стал, и в Которой обещал обитать до конца мира. Этому сообществу Он вверил все истины, которым учил, дабы оно могло хранить и беречь их, изъясняя их с законною властью, и в то же время повелел всем народам внимать гласу Церкви, как Его собственному, грозя не внемлющим вечной погибелью. Отсюда ясно, что лучший и надежнейший учитель человека это Бог, Источник и Принцип всякой истины, и Единородный Сын, пребывающий в лоне Отца, Путь, Истина и Жизнь, истинный Свет, просвещающий всякого человека, учению Которого все должны подчиняться: «и будут все научены Богом» (8).

27. Сам Бог сделал Церковь участницей Своей божественной власти в деле веры и преподавания нравственности, и благодаря Его небесному дару Она не может обмануться. Посему Она — величайшая и надежнейшая наставница человечества, преисполненная неотчуждаемого права учить его. Поддерживаемая истиной, полученной от Своего божественного Основателя, Церковь всегда стремилась свято исполнять миссию, вверенную Ей Богом; непобедимая, несмотря на трудности, со всех сторон Её окружающие, никогда Она не прекращала утверждать Свою свободу преподавания и так, презренные предрассудки язычества были развеяны, и весь мир обновлен в христианскую мудрость. Сам разум ясно учит, что истины Божия откровения и исти-

ны природы на самом деле не могут быть противопоставлены друг другу, и что всё, что имеет с ними разногласия, должно по необходимости быть ложным. Поэтому божественное учение Церкви, отнюдь не будучи препятствием в стремлении к учености и научному прогрессу и никоим образом не сдерживая развитие цивилизации, придает им в действительности уверенное руководство сияющего света. По этой же причине оно немало способствует совершенствованию человеческой свободы, поскольку Спаситель наш Иисус Христос сказал, что истина освобождает человека: «познаете истину, и истина сделает вас свободными» (9). Следовательно, нет никаких причин, чтобы настоящая свобода негодовала или подлинная наука огорчалась тому, что они должны соблюдать справедливые и необходимые ограничения законов, которыми, по суждению Церкви и самого разума, должно контролироваться учение.

28. Воистину, Церковь — как повсеместно доказывают факты — заботится прежде и превыше всего о защите христианской веры, не забывая в то же время пестовать и поддерживать всякий род человеческого учения. Ибо учение само по себе благо, достохвально и желательное; а всякая ученость, являющаяся следствием здравого разума и гармонирующая с правдой о предметах, немало служит подтверждению того, что вера говорит нам о власти Бога. Церковь, к величайшему нашему благу, заботливо сохранила памятники древней мудрости, повсюду открыла дома науки и побуждала интеллектуальный прогресс, усердно питая искусства, способствовавшие столь высоким достижениям культуры нашего века. Нельзя, наконец, забывать и о том, какое

обширное поле открыто перед промышленностью и гением человеческим, содержа в себе всё то, что не обязательно связано с христианской верой и нравственностью, или что Церковь, не пользуясь здесь властью, оставляет свободному и ничем не сдерживаемому суждению сведущих.

29. Из всего этого можно понять природу и характер той свободы, которую столь ярко защищают и провозглашают последователи либерализма. С одной стороны, они требуют для себя и для государства вседозволенности, открывающей путь для всякого извращения мнений; с другой же — различными способами мешают Церкви, ограничивая Её свободу самыми узкими рамками, хотя в Её учении не только нечего бояться, но и можно почерпнуть очень много пользы во всех отношениях.

30. Широко пропагандируют и другую свободу, а именно — свободу совести. Если под нею понимается, что всякий может по своему выбору поклоняться Богу или не поклоняться, то для опровержения такой идеи достаточно уже приведенных аргументов. Но можно её понимать и так, что каждый человек в государстве может следовать воле Бога и, сознавая свой долг и, будучи свободен от всякого препятствия, подчиняться Его повелениям. Это, и в самом деле, подлинная свобода, свобода, достойная сынов Божиих, которая благородно поддерживает достоинство человека и сильнее любого насилия или неправды — свобода, которой Церковь всегда желала и которою дорожила. Свободу этого рода с бесстрашным постоянством утверждали за собою апостолы, её обосновали апологеты христианства, её

многочисленные мученики освятили своею кровью. И сие верно, ибо христианская свобода свидетельствует об абсолютном и справедливейшем господстве Бога над человеком и о главнейшем и верховнейшем долге человека перед Богом. Она ничего общего не имеет с мятежным и бунтарским настроением, никоим образом не ниже, чем послушание общественным властям, ибо право повелевать и требовать подчинения существует лишь до той поры, пока это соответствует власти Бога и ограничено мерою, Им поставленной. Когда же повелевается нечто, расходящееся с волей Божией, то это — отступление от богоустановленного порядка и также прямое противоречие божественной власти; посему верно не повиноваться.

31. Однако заступники либерализма, делающие государство абсолютным и всемогущим и провозглашающие, что человек должен жить совершенно независимо от Бога, не признают сию свободу, о которой Мы говорим и которая идет рука об руку с добродетелью и религией; всё же, что делается ради её сохранения, считается вредным и преступным по отношению к государству. Если бы то, что они говорят, было правдой, то не существовало бы такой тирании, сколь бы чудовищной она ни была, которую мы не были бы обязаны терпеть и ей подчиняться.

32. Церковь искреннейше желает, чтобы христианское учение, очерк которого Мы дали, реальным и практическим образом проникло во все слои общества, ибо это весьма действенно послужило бы исцелению зол наших дней, премногих и значительных, порожденных во многом ложной свободой, столь восхваляемой, в

которой ожидали найти семена безопасности и славы. Но результат разбил надежды. Плод, который, как думали, будет сладок и полезен, оказался на деле изъязвлен и горек. Если же желают найти лекарство, то да ищут его в восстановлении здоровой доктрины, от которой только и можно с уверенностью ожидать сохранения порядка и, как следствие, защиты истинной свободы.

33. Но Церковь с подлинной материнской пронизательностью взвешивает великое бремя человеческой слабости и хорошо знает то русло, по которому течение нашего века несет умы и действия людей. По этой причине, не допуская никакого права ни за чем, что не правдиво и не честно, Она не запрещает общественным властям терпеть то, что расходится с истиной и справедливостью ради избежания некоего большего зла или ради обретения или сохранения большего блага. Сам Бог в Своем провидении, хотя и будучи бесконечно благ и могущественен, попускает злу существовать в мире, отчасти — для того, чтобы не препятствовать большему благу, а отчасти — для того, чтобы не последовало большее зло. В управлении государствами не запретно подражать Правителю мира, и поскольку власть человеческая в силах предотвратить не всякое зло, она должна, как говорит св. Августин, не придавать значение многому и спускать безнаказанным многое, что справедливо карается божественным Провидением **(10)**. Ибо если, при подобных обстоятельствах, ради общего блага (а это — единственная законная причина) человеческий закон может или даже должен терпеть зло, он не может и не должен оправдывать зло или желать его ради него самого; ибо зло само по себе, будучи

недостатком добра, противостоит общественному благополучию, которого всякий законодатель обязан желать и защищать всеми силами. В этом человеческий закон должен стремиться к подражанию Богу, Который, как учит св. Фома, позволяя злу существовать в мире, «не желает, чтобы зло творилось, и не желает, чтобы оно не творилось, но желает лишь попускать ему твориться, и это — благо»(11). Эти слова Ангельского Доктора содержат вкратце всё учение о попусчении зла.

34. Но ради верного суждения приходится признать, что чем больше государство вынуждено терпеть зло, тем дальше оно от совершенства; и что терпимость ко злу, диктуемая общественным благоразумием, должна быть строго ограничена пределами, которых требует оправдывающая их причина — общественное благополучие. Посему, если такая терпимость будет вредить общественному благополучию и влечь за собой большее зло, она не будет законна, ибо в этом случае утрачивается мотив блага. И хотя в чрезвычайных условиях сих времен Церковь обычно делает уступки определенным современным свободам — не потому, что предпочитает их ради них самих, но поскольку полагает целесообразным их допустить — во времена более счастливые Она пользовалась бы Своей собственной свободой и стремилась бы убеждением, увещанием и мольбами исполнять долг, порученный Ей Богом — обеспечивать вечное спасение человечества. Одно, однако, остается нерушимой истиной: то, что свобода, позволяющая всем делать всё, не есть, как Мы часто говорили, желательна сама по себе, поскольку противно разуму, чтобы ошибка и истина имели равные права.

35. Что же до терпимости, то удивительно, как далеко ушли от беспристрастия и благоразумия Церкви те, кто исповедуют так называемый либерализм. Ибо допуская безграничную вседозволенность, о которой Мы говорили, они преступают все границы и приходят в конце концов к тому, что не делают явного различия между истиной и заблуждением, между честностью и бесчестьем. Поскольку же Церковь, столп и утверждение истины и безошибочная наставница нравственности, вынуждена порицать и осуждать терпимость столь распутного и преступного характера, они клеветают на Неё, говоря, что Она якобы имеет недостаток терпения и кротости и не видя того, что тем самым вменяют Ей в вину то, что на самом деле и есть предмет Её осуждения. Но несмотря на всю это показную терпимость часто случается, что, изобильно расточая обещания всяческих свобод, они в то же время совершенно нетерпимы по отношению к Католической Церкви, отказывая Ей в праве свободно быть Самою Собою.

36. Теперь, чтобы ради ясности свести к главному всё, что было изложено, и непосредственные выводы из этого, подведем итог таким образом: человек, по необходимости, вытекающей из его природы, всецело подчинен вернейшей и вечной власти Бога; как следствие, никакая свобода, кроме состоящей в подчинении Богу и Его воле, немыслима. Отрицать существование у Бога этой власти или отказываться ей подчиняться означает не действовать как свободный человек, но предательски злоупотреблять своей свободой, и именно в таком расположении ума и состоит по сути главный и смертельный порок либерализма. Однако этот грех принимает различные формы, ибо разными путями и в разной сте-

пени может воля отступать от должного послушания Богу или тем, кто имеет долю в Его Божественной власти.

37. Отрицать верховную власть Бога и отбрасывать всякое послушание Ему в общественных делах, или даже в частных и семейных — величайшее извращение свободы и худший род либерализма; лишь к этому в полном смысле относится сказанное Нами.

38. Далее следует система тех, кто признаёт долг подчинения Богу, Творцу и Правителю мира, поскольку вся природа зависит от Его воли, но дерзко отрицает всякий закон веры и нравственности, превосходящий естественный разум и явленный властью Божией в откровении, или, по меньшей мере, утверждает бесстыдно, будто нет причин, по которым эти законы должны, во всяком случае — публично, приниматься в расчет государством. Сколь заблуждаются эти люди и сколь они непоследовательны, мы видели выше. Из этого учения, как из источника и начала, вытекает пагубный принцип разделения Церкви и государства, тогда как ясно, напротив, что две власти, хотя и различные по функциям и неравные по положению, должны, тем не менее, жить в согласии, в гармонии своих действий и в верном осуществлении соответствующих им обязанностей.

39. Учение это, однако, понимается двояко. Многие желают, чтобы государство было отделено от Церкви целиком и полностью, дабы в отношении всякого права в человеческом обществе, в установлениях, обычаях и законах, в государственной службе и в образовании молодежи оно не обращало на Церковь никакого внимания, как если бы Та вовсе не существовала; гражданам же поз-

волялось бы следовать предписаниям своей религии частным образом, если им то заблагорассудится. Против подобного убедительны все аргументы, которыми Мы опровергаем принцип разделения Церкви и государства; добавим ещё, что абсурдно ожидать от граждан почтения к Церкви, если государство может Её презирать.

40. Другие не возражают против существования Церкви (да и как могли бы они?), но лишают Её природы и прав совершенного сообщества и утверждают, будто Она не имеет права законодательствовать, судить или карать, но лишь увещевать, советовать и править Своими подданными в соответствии с их собственной волей и согласием. Подобным мнением они извращают природу этого богоустановленного сообщества, разжижают и сужают его власть, его учительское служение, всю его действенность, и в то же время власть гражданского правительства разбухает у них до таких пределов, что Церковь Божия подчиняется господству и правлению государства, словно какая-либо добровольная ассоциация граждан. Для полного опровержения такого учения весьма полезны аргументы, часто используемые защитниками христианства и излагавшиеся Нами, в особенности — в окружном послании *«Immortale Dei»* (12); ибо этими аргументами доказывается, что, по Божественному установлению, Церковь имеет все права, вполне принадлежащие сообществу законному, высшему и совершенному.

41. Наконец, остаются те, кто хотя и не одобряет разделение Церкви и государства, полагают однако, что Церковь должна приспосабливаться ко временам и подчиняться тому, чего требует современная система

правления. Подобное мнение здраво, если понимается в смысле некоего уместного приспособления, совместимого с истиной и справедливостью, то есть до тех пор, пока речь идет о возможности для Церкви в надежде на некое большее благо являть снисходительность и прилаживаться к эпохе в степени, дозволяемой Её священным служением. Но не так — в отношении к практикам и доктринам, незаконно введенным извращением нравственности и искаженным суждением. Религия, истина и справедливость должны сохраняться всегда, и, поскольку Бог вверил эти великие и святые предметы служению Церкви, странно было бы требовать от Нёе молчать перед лицом лжи и несправедливости или попустительствовать тому, что вредит религии.

42. Из сказанного вытекает, что совершенно незаконно требовать, защищать или даровать безусловную свободу мысли, слова, письма или культа, как если бы то были права, данные человеку природой. Ибо если бы природа в самом деле дала их, было бы законно отказывать Богу в повиновении, и человеческая свобода не имела бы ограничений. Отсюда следует также, что свободу в этих вопросах можно терпеть, если тому есть справедливая причина, но лишь с такою сдержанностью, которая не даст ей выродиться во вседозволенность и неумеренность. Там, где в ходу такие свободы, люди должны применять их во благо и ценить их так, как ценит их Церковь, ибо свободу надлежит считать законной лишь до тех пор, пока она способствует большей возможности творить добро, но не далее.

43. Там где существует, с одной стороны, несправедливое угнетение народа, а с другой — попрание свободы

Церкви, или где есть основания опасаться таковых, законно стремиться к такой перемене правительства, которая привела бы к надлежащей свободе действий. В подобном случае целью является не неудержная и порочная свобода, а лишь некоторое облегчение ради общего благополучия, дабы там, где государство допускает вседозволенность зла, не затруднялась бы возможность творить добро.

44. Опять же, само по себе не есть неверно предпочитать демократическую форму правления, если только в отношении происхождения и использования власти сохраняется католическое учение. Из различных форм правления Церковь не отвергает никакую, подходящую для обеспечения блага подданных; Она желает лишь — и этого требует сама природа — чтобы они строились без причинения кому-либо несправедливого зла и особенно — без нарушения прав Церкви.

45. Если по причине какого-то исключительного состояния вещей не определено иное, то целесообразно принимать участие в управлении общественными делами. И Церковь одобряет всякого, кто посвящает своё служение общему благу и делает всё, что в его силах, для защиты, сохранения и процветания своей страны.

46. Не осуждает Церковь и тех, кто, если это можно сделать без нарушения справедливости, желает освободить свою страну от какой-либо чуждой или деспотической власти. Не винит Она и тех, ко желает утвердить в государстве власть самоуправления и дать его гражданам величайшую возможную меру процветания. Церковь всегда вернейшим образом пестовала гражданскую свободу, что особенно видно в Италии, благодаря тому муниципально-

му процветанию, богатству и славе, которые были достигнуты в пору, когда спасительная власть Церкви распространилась без противодействия на все части государства.

47. То, что под водительством веры и разума Мы, исполняя Своё апостольское служение, изложили сейчас вам, досточтимые братия, будет, как Мы надеемся, полезно для очень многих, в особенности благодаря вашему сотрудничеству с Нами. В смирении сердца, с мольбою возводим Мы очи Наши к Богу и горячо просим его излить милостиво свет мудрости Его и совета Его на людей, дабы те, укрепленные сиими небесными дарами, могли в столь важных вопросах распознать, что истинно, и после в делах общественных и частных, с непоколебимым постоянством, жить в соответствии с истинною. В залог сих небесных даров и во свидетельство Нашего благоволения к вам, досточтимые братья, и к духовенству и народу, каждому из вас вверенному, с любовью преподаем во Господе апостольское благословение.

Дано в Риме, у св. Петра, в двадцатый день июня 1888 года, Понтификата же Нашего в лето десятое.

ЛЕВ XIII ПАПА

1. Сир. 16, 14.
2. См. п. 93:37 – 38.
3. Ин. 8, 34.
4. св. Фома Аквинский, «На Евангелие от св. Иоанна», гл. VIII, лекция 4, п. 3.
5. св. Августин, «*De libero arbitrio*», lib. 1, cap. 6, n. 15 (PL 32, 1229)
6. Рим. 13, 2.
7. св. Фома Аквинский, «*Summa theologiae*», II^a–II^{ae}, q. Ixxxii, a. 6.
8. Ин. 6, 45.
9. Ин. 8, 32.
10. Св. Августин, «*De libero arbitrio*», lib. 1, cap. 6, n. 14 (PL 32, 1228)
11. св. Фома Аквинский, «*Summa theologiae*», I^a, q. xix, a. 9, ad 3^m.
12. См. п. 93:8 – 11.

свящ. Шейн [Иоанн] Карло Пеццутти FSSPX

Уничтожение Свободы во имя свободы: предостережение Папы Льва XIII против либерализма как врага истинной свободы

1. Философы Нового Времени, так называемые философы Просвещения и европейская философия модерна в целом в XVII и XVIII веках подверглись огромному влиянию предшествовавшей ей научной революции в Европе.

2. Научная революция XVI и XVII веков радикально изменила восприятие европейцами физической реальности и самой вселенной.

3. Философия модерна и философы Просвещения хотели каким-либо образом применить правила и методы научной революции к политической и социальной философии в Европе.

4. Они также желали полностью изменить европейское общество, подобно тому, как это сделала научная революция.

5. Философы Просвещения развивали совершенно новые идеи о свободе, рациональности, политике и религии.

6. Просвещенческие идеи либерализма, рационализма и натурализма были настолько успешны, что они вдохновили Американскую революцию 1777 года и в 1789 году — Французскую.

7. После этих революций европейская и западная цивилизации изменились навсегда.

8. Философы Просвещения усматривали двух главных врагов их либеральной программы: традиционные монархии Европы и Католическую Церковь,

9. Это было, конечно же, поскольку и то, и другое имели огромное влияние на европейское общество.

10. Поэтому мы можем понять, почему Париж слал на окровавленную гильотину короля, его двор, монархистов, епископов, священников, монахов и монахинь.

11. Этих двух врагов «свободы» следовало уничтожить. Но как же, могли бы мы спросить, триумф свободы и разума мог закончиться таким царством террора?

12. Историки утверждают, что на площади, где происходили казни на гильотине, было так много крови, что лошади отказывались заходить на неё, чувствуя ужасающий запах.

13. Однако с самого начала Французской революции Католическая Церковь и особенно Римские Папы резко противились ей, как и просвещенческим доктринам либерализма, рационализма и натурализма, которые расплзались по христианской Европе.

14. В течение ста лет Папы, начиная от Папы Пия VI и до Пия IX противостояли этим современным Просвещению учениям, пытаясь спасти то, что осталось от Христианского мира.

15. Энциклика, которую мы кратко рассмотрим сегодня, была написана Папой Львом XIII в 1888 году, почти сто лет спустя Французской революции.

16. Эта энциклика — превосходная сумма всех католических философских и богословских аргументов, пытающихся показать заблуждения и скрытые опасности, содержащиеся в новых учениях Просвещения.

17. Папа Лев XIII начинает с того, что пишет: «Свобода, высший из естественных даров, принадлежат лишь существам интеллектуальным, или разумным, даёт человеку то достоинство, что он оставлен "в руке произволения своего" (Сир. 16, 14), и власть над своими действиями».

18. Папа начинает, таким образом, с похвалы человеческой свободе как одному из величайших естественных даров человеку, и далее он объясняет, что Католическая Церковь всегда сражалась за свободу человека против еретиков и детерминистов, которые её отрицали, таких как манихеи и другие.

19. Но затем он говорит: «Но важнейшее значение имеет тот образ, которым человек этим достоинством пользуется, поскольку от того, как используется свобода, зависят равно и высочайшее благо, и страшнейшее зло».

20. Здесь Папа возглашает главное положение своей энциклики: свобода — это удивительный и могучий дар, но она должна использоваться с ответственностью; её должно применять в согласии с до-

бродетелью, с благом, с законом, и особенно — Вечным законом Божиим.

21. Он напоминает, что человек совершенно свободен следовать за нравственным благом и искать своё предназначение в жизни — которым является Бог — но он также свободен стремиться к тому, что ему кажется «хорошим», но в действительности дурно и вредно.

22. Папа Лев XIII пишет, что многие представляют себе Католическую Церковь как злобного врага человеческой свободы, но это воззрение основано на ложной метафизике свободы и ошибочной этике: то есть ложной идее того, что действительно (онтологически) есть свобода и в чём на самом деле человек свободен.

23. Поэтому теперь следует спросить «Что же такое свобода»?

24. Папа Лев XIII отвечает проводя очень, очень важное различие между разными видами свободы. Термин «свобода» употребляется разными способами и в различных значениях. О чём именно мы говорим, когда говорим «свобода»?

25. Католическая философия различает два разных вида свободы: 1) — природная свобода, (или просто свобода воли), и 2) — моральная свобода.

26. Природная свобода подразделяется на «позитивную» и «негативную» — так их делит современная философия.

27. Естественная свобода (или свобода воли) «позитивна» в том смысле, что мы можем позитивно решить делать что-то, что мы хотим и выбираем сделать. Это свобода действия.

28. Естественная свобода (или свобода воли) негативна в том смысле, что мы свободны от определенного принуждения. Мы свободны от того, чтобы нас ЗАСТАВЛЯЛИ или побуждали делать определённые вещи.

29. Природная свобода (позитивная или негативная), или просто свобода воли, это то, что мы обычно подразумеваем под словом «свобода».

30. Но Папа Лев XIII желает скорее сказать о МОРАЛЬНОЙ свободе. Он думает, что моральная свобода — более важный вопрос, чем природная свобода, то есть свобода воли.

31. Это — важнейший пункт: различие между природной свободой (свободной волей) и моральной свободой.

32. Но что есть «природная свобода»? Папа Лев XIII определяет это так: «власть или возможность выбирать специфические средства для достижения поставленной перед собой конечной цели». Метафизически, или же онтологически, она относится к аристотелевской категории «качества» ("*qualitas*") — инструментальная возможность.

33. Но что касается поставленной цели: какова эта цель и каков конец? Конец, или цель, это всегда нечто,

что мнится как благо, какая-то «хорошая» вещь. Воля и свободный выбор всегда склоняются только к благу. Платон и Сократ учили нас этому веку назад.

34. Проблема появляется, когда наш интеллект начинает выносить суждения о том, что «благо», а что «не благо». Только на то у нас есть моральная свобода, чтобы искать и выбирать благое и истинное.

35. Воля не может следовать за благом X , и природная свобода не может выбирать некие средства Y и Z для его достижения, пока интеллект не решит, что X — это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** благо.

36. Но Папа Лев XIII напоминает нам, что и воля, и интеллект весьма несовершенны, и поэтому интеллект иногда может заблуждаться в своих суждениях о том, что есть «благо», и поэтому свобода может быть направлена ложным «благом» на неправый путь.

37. Многие вещи имеют обманчивый вид «блага», тогда как в действительности они плохи и вредны. Поэтому мы можем избрать некую плохую вещь, ошибочно веря, что она хороша.

38. Это привносит в человеческую свободу изъян, потому что мы злоупотребляем силой свободы, избирая зло, пусть даже думая, что оно — благо. Выбрать вредное и злое — это несомненно изъян.

39. Некоторые пытаются доказывать, выступая по данному вопросу, что возможность выбирать зло должна быть присуща свободе, говоря — то, что мы

можем выбрать зло, как раз и доказывает, что мы свободны.

40. Но это значило бы, что Бог не свободен, потому что Он не может выбрать зло.

41. Святой Фома Аквинский напоминает нам, что возможность делать зло и грешить, это не свобода, но, на самом деле, рабство.

42. Он говорит, что когда нечто действует посредством силы, воздействующей на него извне, оно не действует само, но другое действует им, как рабом. Человек по природе разумен. Когда он действует и выбирает в согласии с рассудком, он действует, как человек и в соответствии со своей свободной волей. Это — свобода. Но когда он грешит, он действует против разума, и его влечёт постороннее, как раба. «Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8, 34) — сказал наш Господь Иисус Христос.

43. Античные философы тоже учили этому, когда говорили, что поистине свободен только мудрый человек, потому что он всегда выбирает истинное и благое, ведущее к блаженству, а не злое и вредоносное, которое только причинит ему ущерб.

44. Поэтому Папа напоминает нам, что человеческая воля нуждается в свете и в силе, чтобы направлять её действия к истинному благу и удерживать от зла. Это — цель и назначение закона.

45. Закон — это упорядочивание разума, который должен вести нас к благому и истинному.

46. Папа подразумевает прежде всего естественный закон, начертанный в сердцах всех людей, потом Вечный закон Божий и затем человеческие законы.

47. Человеческие законы, и даже естественный закон, зависят от Вечного закона, который есть ни что иное, как разум и интеллект Бога, Творца всяческих, Который желает, чтобы человек возвратился к Нему.

48. Эти законы помогают нашему несовершенному разуму, воле и свободе действовать в согласии с Божией волей, благом и истиной, приводя нас к блаженству. Это — моральная свобода. Таково правильное название человеческой свободы.

49. Папа Лев XIII говорит: «Отсюда явствует, что единственный стандарт и правило человеческой свободы — не только каждого отдельного человека, но и любой общности и гражданского общества, составляемого людьми вместе, — это вечный Божий закон».

50. Истинная свобода в человеческом сообществе заключается не в том, что каждый делает то, что он хочет, потому что это закончится анархией и принесёт только сплошную борьбу и мятежи. Истинная свобода в человеческом сообществе в том, чтобы граждане подчинялись Вечному закону Божию и человеческим законам, чтобы обрести счастье здесь и после.

51. Бог — Творец, «Дизайнер» и «Инженер» человека. Его Вечный закон — нечто вроде чертежа или «инструкции» по хорошему поведению человека. Его закон направляет нас к блаженству посредством верного использования свободы. Мы не можем быть счастливы, спокойны или по-настоящему свободны без Его закона.

52. Папа напоминает затем законодателям, что гражданские и человеческие законы должны также подчиняться Вечному закону Божию, потому что предназначение закона — вести человека к истине и благу, которым является Бог. Это — важнейшая задача и ответственность законодателей и политической власти.

53. После описания католических философских принципов свободы Папа Лев XIII начинает вторую часть энциклики, которая посвящена обличению либерализма. Он утверждает: «Но есть многие, кто идут по следам Люцифера и присваивают себе его мятежный вопль: "Не буду служить!" [*Non serviam*]».

54. Он называет их «либералами» и объясняет: то, что «натурализм» и «рационализм» сделали в философии, либерализм делает в общественном и политическом устройстве.

55. «Рационализм» был одной из идей Просвещения: что человеческий разум — высший судья истинного и благого. Человеческий разум — это высший закон, который должен направлять людей.

56. Вспомните, как во время Французской революции был установлен и провозглашён культ «богини разума», и впоследствии некая женщина была выбрана в качестве её персонификации. Её разукрасили, принесли в Нотр-Дам де Пари и поставили на главный алтарь.

57. Таков рационализм: человеческий рассудок срывает корону с Иисуса Христа, Всемогущего Бога. Бог Вседержитель и Его Вечный закон более ничего не значат для людей, но единственный авторитет — это разум человека. Это рационализм.

58. Либерализм применяет этот принцип в политической и социальной сферах. Всемогущий Бог и Его Вечный закон более не имеют власти, которая ведёт людей к блаженству, но единственным проводником должен быть человеческий разум.

59. Разум лишает венца Иисуса Христа, Всемогущего Бога как в политическом, так и в общественном устройстве. Таков либерализм. Таково «либеральное» государство: изгнание Вечного закона Божиего, и на его месте возвышение человеческого рассудка. Человек заменяет Бога.

60. Именно это произошло во время Французской революции. Церковь и король были свергнуты с престола, и на трон возвели Разум и Свободу. Власть и закон отныне исходили лишь от людей, лишь от человеческого рассудка. Идеальным строем стала неупорядоченная демократия.

61. Папа Лев XIII говорит: «как только мы предоставим человеческому разуму исключительную власть опреде-

лять, что истинно и что благо, реальное различие между добром и злом будет уничтожено». Итогом этого будет только чистый релятивизм.

62. А после того, как модерн пал, именно это мы и наблюдаем в обществе нашего времени, особенно в постмодернизме. За 200 лет либерализм превратился в чистый релятивизм, потому что релятивизм — закономерный итог рационализма и либерализма.

63. Во время Французской и Американской революций структура сообщества была всё ещё более или менее построена на принципах естественного закона и Вечного закона.

64. Европа и Запад были защищены от чистого релятивизма в то время, благодаря еще сохранявшимся христианским структурам. Но либерализм открыл на Западе дорогу к чистому релятивизму, и постмодернистские мыслители вроде Дерриды и Фуко продемонстрировали нам все неизбежные последствия этого.

65. Постмодернистские мыслители сказали, что философы Просвещения зашли недостаточно далеко. Теперь нужно было ещё и полностью отвергнуть западную мысль и всю западную культуру, как «мысленные конструкты» — отсюда нужда в их «деконструкции» и «деконструктивизм»; единственная истина — это относительность всего.

66. Но ещё тогда, в 1888 году, Папа Лев XIII предупредил нас, что если Вечный закон Божий не является фундаментом для общества, в нём вскоре будут отвергнуты

и религия, и мораль. Это — то, что случилось во время постмодернизма, и, разумеется, чуть позже мы увидим это же с атеистическим коммунизмом.

67. Кроме того, единственным способом управлять людьми станет грубая сила, потому что их совесть больше не будет руководствоваться моралью и Вечным законом. Каждый человек будет свободен делать то, что хочет. Из-за этого увеличится число необходимых полицейских структур.

68. Разъяснив, что такое «абсолютный либерализм», Папа описывает далее «умеренный либерализм». Первый отвергает вообще всякую «законность», второй же понимает, что свобода должна быть в согласии с истиной и благом. Мы можем привести как пример такового отцов-основателей Соединённых Штатов.

69. Отцы-основатели Соединённых Штатов с трепетом преклонялись перед Богом и естественным законом, но они были деистами и веровали лишь настолько, настолько их разум мог понять религию. Поэтому они не признавали сверхъестественное или Откровение. Конечно же, это был тот же либерализм.

70. Иной тип умеренного либерализма проповедуют сторонники отделения Церкви от государства. Они считают, что отдельные люди должны руководствоваться Вечным законом Божиим, но что Государство должно быть независимо от Вечного закона. Но это нелогично, говорит Папа, потому что оба: и государство, и отдельные люди одинаково подчине-

ны Богу и Его Вечному закону. Христос должен быть Царём и отдельных людей, и общества.

71. Затем Папа следует к следующей части своей энциклики, где повествует о «современных свободах» либерализма. Это — практические воплощения либерализма.

72. Здесь Папа опять применяет свой тезис: свобода людей должна находиться в гармонии с Истиной, с Благом, и с Вечным законом Божиим. Человеческая свобода не имеет моральной свободы действовать против Истины, Блага или Вечного закона Божиего.

73. Поэтому он показывает логические несоответствия в идеях «религиозной свободы», «свободы печати» и «свободы совести».

74. Папа Лев XIII говорит: «Рассмотрим ту свободу в людях, которая противостоит добродетели благочестия, а именно свободу культа, как её называют. Эта так называемая свобода основывается на принципе, что всякий человек свободен исповедовать любую религию, которую он изберёт, или вовсе никакой».

75. Имеет ли человек свободу выбирать себе религию по вкусу? Или он должен избрать только истинную веру? Надо произвести различие. Конечно, человек имеет «природную свободу» выбрать любую веру, разумеется, у него есть свободная воля, которая может выбрать любую религию. Но Папа задаёт вопрос, имеет ли человек «моральную свободу» выбрать любую веру?

76. У нас есть моральная свобода выбрать только истинную веру. У нас нет нравственной свободы выбрать ложную веру. Поэтому провозглашать, что у нас есть религиозная свобода, то есть свобода выбирать религию, которая нам нравится больше всего, это то же самое, что провозглашать, что у нас есть свобода выбирать между истинной и ложной верой.

77. Разве можно сказать, что у нас есть свобода выбрать заблуждение? Это опять заблуждение либерализма. Либерализм полагает, будто свобода более важна, чем истина и благо. У нас нет моральной свободы выбирать заблуждение. Разве я имею право считать, что $2 + 2 = 3$?

78. Истинная человеческая свобода выбирает истину и благо в соответствии с Вечным законом Божиим. Ложная же человеческая свобода выбирает, что кажется «истиной» и «благом», но что на самом деле ложь и зло. Это — гибель свободы человека. Это — растрепывание свободы человека.

79. Папа Лев XIII применяет тот же принцип к «свободе печати». Разве у нас должна быть свобода публиковать всё, что мы хотим, наравне истину и заблуждение, нравственное и безнравственное?

80. Папа вновь напоминает о МОРАЛЬНОЙ свободе. Человеческая воля — воистину человеческая, когда она избирает истинное и благое в согласии с интеллектом и рассудком. У нас нет моральной свободы выпускать всё, что мы пожелаем своему выбору.

81. Это станет полным моральным растлением народа. Не это ли мы видим сейчас, когда в Интернет можно выложить всё вообразимое, всё что угодно: истинное ли, ложное ли; нравственное или аморальное. Человеческая свобода страшно деградирует от этого рода варварской ложной «свободы».

82. Наконец, он пишет против пресловутой «свободе совести». Это также будет значить «свободу грешить», если быть неосторожными. У нас нет моральной свободы вершить зло или верить в заблуждение. Надо вновь проводить различие между субъективными и объективными правами.

83. Последняя часть энциклики посвящена католическому учению о терпимости. Папа пишет: «...не давая никаких прав ничему, кроме истинного и благого, Церковь тем не менее не запрещает публичной власти терпеть то, что расходится с истиной и праведностью, во имя избежания какого-либо **большого** зла, или ради обретения или сохранения какого-то **большого** блага».

84. Это ещё одно очень важное различие: власть, которая даёт «права» злу — **versus** [против] власти, которая терпит зло. Бог в Своей бескрайней премудрости ТЕРПИТ зло всё время, попуская греху происходить. Но Он не даёт грешникам «право» или «свободу» грешить. К тому же обязывается и всякая власть.

85. У власти есть обязанность вести к истине и благу в согласии с Вечным законом Божиим. Поэто-

му она никогда не может давать «право» или свободу идти против этого совершенного Вечного закона. Однако она может ТЕРПЕТЬ зло, чтобы избежать большего зла.

86. Либерализм вздымает на престол и лелеет «свободы», которые в действительности противостоят Вечному закону Божию. Он словно бы даёт политическое и социальное покровительство греху вопреки закону Божию.

87. Но это не есть свобода. Это ложная свобода, «вседозволенность», и она разрушает благородство и достоинство человеческой свободы. Ибо человеческая природа разумна, и мы должны действовать в гармонии с разумом и истиной. Мы должны искать благое и добродетельное, ибо, как учили нас античные философы, только через добродетельную жизнь можно достичь счастья.

88. Папа Лев XIII пишет: «...всякая свобода, кроме той, которая заключается в подчинении Богу и Его Воле, неразумна». Человеческая свобода несовершенна. Ей требуется руководство и закон. Ей требуется Вечный закон Божий.

89. Папа утверждает: «отвергать высшую власть Бога, и отбрасывать прочь всякое послушание Ему в общественных вопросах, или даже и в частных и домашних делах, есть величайшее извращение свободы и худший вид либерализма».

90. Самый первый псалом говорит: *«Beatus vir, qui non abiit in consilio impiorum, et in via peccatorum non stetit, et in cathedra pestilentiae non sedit: Sed in LEGE Domini voluntas eius et in LEGE eius meditabitur die ac nocte. Et erit tamquam lignum quod plantatum est secus decursus aquarum quod fructum suum dabit in tempore suo»*.

91. «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей, но в ЗАКОНЕ Господа воля его, и о ЗАКОНЕ Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое» (Пс. 1, 1 – 3).

92. В этом суть энциклики Папы Льва XIII: мы — воистину люди, воистину разумные создания, и воистину свободны, когда мы подчиняемся Вечному закону Божию, совершенной Божией Воле и Его домостроительству о нас. Это — путь к блаженству. Либерализм же предлагает нам ложное счастье путём ложной свободы. Да не обманемся же мы кажущимся «благом», которое либерализм и вседозволенность предлагают нам. Вне Вечного закона Божиего, совершенной воли Божией, нет ни счастья, ни истинной свободы.

93. Давайте испытаем нашу совесть, лично и как сообщество, и примем предостережение Папы Льва XIII со всей серьёзностью. Ибо оставив Вечный закон Божий, и не обращая внимания на моральную свободу, мы придём к чистому релятивизму и необходимому возникновению тоталитарных режимов, чтобы удержать порядок и мир.

94. Естественная свобода не может быть более важной, чем Вечный Божий закон. Она не может быть более важна, чем Истина.

95. Если мы хотим здоровую, прекрасную и развивающуюся культуру и такое общество, где человеческая свобода будет воистину человеческой, в сердце этой культуры и общества должен находиться Вечный закон Божий. Ибо без Его совершенного Закона и Воли человеческая свобода будут бесконечно преследовать лишь мнимое счастье и мнимое благо, которые оба приведут нас только к скорби и нашему краху.

—

Д. Э. Пучкин
Свет Предания над Россией

По-гречески слова *paradosis* (предание, традиция) и *paradeisos* (рай) пишутся весьма сходно. И в этом созвучии есть что-то глубоко символическое. Верность «преданиям старины глубокой» приближает к раю. В самом деле, из Эдема текли четыре реки, символизирующие четыре стороны света, а значит вселенную (см. Быт. 2, 10 – 14). «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 41, 2). От апостольского предания проистекает наша вера, придающая смысл любви и надежде. «Не передвигай межи давней, которую провели отцы твои» (Притч. 22, 28). Но кто наши отцы? Конечно же, большинство из нас знает своих отцов по плоти. Верующие моего поколения в России — нередко дети неверующих родителей. Их ли «межи» нам надлежит беречь? Не сами ли они посмели передвинуть межи, проведенные праотцами нашими? Итак, во-первых, отцы по плоти это не только собственно отцы, но и дальние предки. Во-вторых, отцы по вере, отцы духовные это не плотские отцы. На ближнем уровне мы зовем «отцами» наших священников. Отцами Церкви именуются выдающиеся католические богословы II – VIII в., причисленные к лику святых, на свидетельстве которых Церковь во многом обосновывает свое учение. С другой стороны, сами не будучи евреями, мы именуем отцом Авраама, ибо мы — его чада по вере во Единого и Истинного Бога, которого во времена Иисуса Христа и Апостолов отвергли иудеи и приняли верующие из язычников. Во времена св. Владимира и наши

предки усвоили сей просиявший от рая свет веры Христовой, утвержденной на двух источниках Божественного Откровения — Священном Писании и Священном Предании. Это было до 1054 г. — наша страна более столетия уж точно была католической, некоторые же католические авторы считают Русь католической страной вплоть до момента отвержения Флорентийского Собора и бегства митрополита Исидора из Москвы. Кроме того, и православные создавали, наряду с неправильными и ошибочными вещами, уважаемые нами культурные и духовные ценности, проникнутые «общехристианским», т. е. католическим духом. Наконец, высший Отец — **«Иже на небесах»** — Бог. В то же время, всякое земное отцовство — от Небесного Отца (см. Еф. 3, 14—15 *Vulg.*). Всё, что есть хорошего, переданное предыдущими поколениями духовных и плотских отцов, нам подобает сберечь.

Ни для кого не секрет, что некоторые католические неофиты в России испытывают кризис самоидентификации. Сразу же скажем, что мы не собираемся развернуто доказывать тезисы, высказанные в данном абзаце, ибо это не является основной темой данной статьи (возможно, данные вопросы заслуживают отдельной публикации) и носят характер вводных замечаний. Итак, неприученные в некатолическом прошлом к схоластической ясности мышления, российские католические неофиты не умеют отличить религиозного от национального, а в религии — догмат, обряд и обычай. Привыкнув к демагогии индоктринаторов, отождествляющих «русское» и «православное» (под вторым словом они подразумевают Фотиеву схизму), они либо с принятием католичества начинают утрачивать русское этническое самосознание, что противоречит учению Ка-

толической Церкви о любви к Родине, либо, не желая впасть в первую из вышеназванных крайностей, впадает во вторую — экуменизм с Фотиевой схизмой (тут даже некоторым традиционалистам угрожает опасность полуэкуменического отношения к ней). Недисциплинированные еще схоластикой мозги пока не могут разложить всего по полочкам. Католик должен исповедовать свою веру — единственную истинную веру для всех народов земли. Все догматы и каноны Церкви обязательны всем католикам. Поскольку католическая вера предназначена для всех народов Земли, раньше принявшие католичество не имеют никаких привилегий перед позже принявшими. Это значит, что русские при принятии католичества никак не обязаны перенимать польской или французской культуры. Учиться у западных народов, что-то заимствовать — можно и нужно, и не только католики это делают (посмотрите на барочные православные храмы XVIII столетия в России!). Но ни в коем случае нельзя утрачивать русского этнического самосознания, любви к русскому и церковнославянскому языкам. Скорее именно некатолическая масса обывателей быстрее всего американизируется и во многом теряет русские культурные традиции, по нашему местному разгильдяйству. А так называемые славянофилы XIX столетия вдохновлялись западным философом — увы, Ф. В. Шеллингом, а не св. Фомой Аквинским. Мы обязаны осознавать себя русскими и хранить русское культурное наследие. После этого предложения в черновике данной статьи шло довольно длинное рассуждение на соответствующие темы, которое автор со слезами удалил, как сильно отходящее от основной темы статьи. (Обязательно включу оный фрагмент в последующие публикации.) Там

объяснялось, что оба подхода XIX века («западничество» и «славянофильство») к рассуждениям о России безнадежно устарели в уже в XX столетии, а в XXI — тем более. Указывалось, что исторически в русском так называемом «западничестве» было много наивного, местно-русского, азиатского (см.: Н. Бердяев, «Судьба России», М., 1990, стр. 29, 60—61). Но вернемся к нашим делам. Из традиционалистских общин можно было сделать центры укоренения католичества на русской почве, что дополнительно подчеркнуло бы нашу инаковость по отношению к сторонникам Второго Ватиканского Собора, пренебрегающим этой стороной миссионерской работы. Как известно, католические обновленцы оправдываются на экуменических встречах с православными фразами типа «наши католические приходы в России не для прозелитизма среди православных и русских, а преимущественно для лиц польского, немецкого и т. п. происхождения». Наши устремления должны быть диаметрально противоположны. Нам не в чем оправдываться перед теми, с кем мы не ведем экуменического диалога, ибо мы не экуменисты.

К чему же были все эти предварительные замечания? Мы хотели бы рассмотреть важность католического традиционализма в свете актуальных проблем выживания, распространения и укоренения католической веры на нашей русской земле и в нашей русской культуре. Причем затронуты будут проблемы волнующие не только нас, но и наших многоуважаемых оппонентов. Итак, зачем же вообще пишется данная статья? Некоторые как из наших единомышленников, так и из наших противников говорят нам: «Зачем же акцентировать внимание на полемике об отношении ко Второму Ватиканскому Собору? Католиков в России мало, враги нашей веры будут

использовать внутрикатолическую полемику в своих целях! Почему нельзя проповедовать "просто католичество", так сказать, на чистом позитиве?» В нашей статье мы покажем, что проповедовать «просто католичество» физически и морально невозможно, а делать такую попытку вредно для католической миссии в России. Естественно, данная статья обращена, прежде всего, к традиционалистам, судит вышеприведенное предложение с точки зрения соответствия его традиционалистским принципам, обоснование правоты которых не входит в задачи данной статьи, ибо они полагаются принятыми целевой аудиторией.

Итак, перечислим причины, по которым традиционная миссия в России необходима.

1) Первая и самая ясная причина очень проста. Традиционалистская миссия уже начиналась, уже имеющиеся традиционалисты нуждаются в удовлетворении своих духовных нужд, принятии Таинств и т. п. Они не пойдут в новообразованные приходы. Последовательный традиционалист никогда не будет причащаться на новой мессе. Точно также ему будут противны проповеди, зараженные модернизмом, и чужда литература, надоедающая бесконечными цитатами из Второго Ватиканского Собора. Шокирует ложная трактовка многими модернистами явлений Божией Матери в Фатиме, будто посвящение России Пречистому Сердцу Марии якобы уже состоялось в 1984 г., будто «обращение России» это якобы прекращение атеистического гонения и распространение православия, и иные неверные утверждения. Модернисты популяризуют лжеявления «богородицы» в Меджугорье, являющиеся бесовской прелестью.

2) Вторая причина заключается в том, что призыв к отказу от полемики есть ничто иное, как лукавый призыв к одностороннему разоружению. Сторонники Второго Ватиканского Собора пропагандировали и будут пропагандировать его заблуждения. Никогда они не перестанут проповедовать экуменизм, религиозную свободу, новую теологию мессы с подчеркиванием аспекта трапезы, сфальсифицированное в духе компромиссов с масонскими доктринами либерализма социальное учение, антропоцентрическое видение мира, нетрадиционную духовность (вплоть до использования медитативных техник, заимствованных у индуистов или буддистов) и т. д.

3) Если кто и выступает последовательно за проповедь в России католицизма, так это в первую очередь традиционалисты. Экуменические обязательства, взятые на себя официальным Ватиканом (вспомним пресловутое Баламандское соглашение 1993 г.), препятствуют официальным епархиальным структурам осуществлять католический прозелитизм в России. Действия некоторых энтузиастов из числа клира и мирян никогда не получали официального одобрения и не имеют достаточно широкого масштаба. А ведь мы обязаны, следуя повелению Иисуса Христа, проповедовать истинную веру всем людям (см. Мф. 28, 19; Мк. 16, 15–16). Нам возразят: но ведь, православные – христиане, а не язычники, может быть достаточно, что Евангелие в России проповедует Православная Церковь? Нет, не достаточно. Православные не учат таким истинам веры как исхождение Духа Святаго от Отца и Сына, Непорочное Зачатие Пресвятой Девы Марии, кара чистилища, спасительность индульгенций и т. д. Без полноты

истины в догматах нет истинного христианства. Мы обязаны проповедовать всю истину. «Вне Церкви нет спасения» (св. Киприан Карфагенский), а глаголемые православные суть вне Церкви. Мы, традиционалисты, не признаём так называемого «снятия анафем» 1965 г. У Католической Церкви нет никаких «церквей-сестер».

4) Защита чести Католической Церкви. Правые православные критикуют экуменизм и модернизм Второго Ватиканского Собора, пытаются поставить знак равенства между понятиями «католик» и «либерал», что несет угрозу роста антикатолических настроений в российской правой среде, да и просто компрометации Католической Церкви в глазах любого отвергающего либерализм человека. На нашем примере люди видят, что есть такие католики, которые не экуменисты, не модернисты, не либералы. Люди, которые могли бы испытать искушение отпасть в Фотиеву схизму из-за разочарования во Втором Ватиканском Соборе (а такие люди бывают и кое-кто уже отпал), в ряде случаев удерживаются в католицизме только благодаря существованию традиционного движения. Кроме того, миссию по обращению лиц с правыми политическими убеждениями в католицизм могут вести только традиционалисты. Со сторонниками Второго Ватиканского Собора с их либеральными и космополитическими взглядами они и говорить-то вряд ли захотят. Чего только стоят утверждения приверженцев неокатолицизма, будто бы иудеи повинны в распятии Христа! (см.: II Ватиканский Собор, Декларация об отношении к нехристианским религиям «*Nostra aetate*», п. 4). Второй Ватиканский Собор и принятые после него официальные ватиканские инструк-

ции по катехизации прямо и в обязательном порядке предписывают распространять заблуждение о невинности иудеев. Приведем другой пример. «Катехизис Католической Церкви» утверждает без ссылки на какой-либо авторитет, будто богатые страны обязаны принимать иностранцев, в том числе приезжающих из чисто экономических соображений (см.: ККЦ, п. 2241). Для российского читателя это место из обновленческого катехизиса звучит как апология засилья кавказской мафии на московских рынках. Естественно, мы сами правые и честь Католической Церкви будем защищать перед правыми же. Вопрос об отношении к ней либералов нас не интересует. Мы и не ждем вовсе от духовных наследников масонской «французской» революции 1789 – 1793 гг. хорошего отношения. С другой стороны, мы прекрасно понимаем трудность, на которую нам хотели бы указать некоторые читатели – если в странах, где католики составляют большинство верующего населения и национальная культура пропитана католическим влиянием, правые партии – наши естественные союзники, то в России ситуация сложнее, среди наших местных правых, увы, сильны антикатолические настроения. Но именно поэтому задача, о которой мы пишем в данном пункте, и приобретает сугубую актуальность. Ничто так не способствует сближению позиций и смягчению противостояния как недовольство общим противником (например, масонами).

5) Мы, русские, несколько менее склонны к растлению наших душ либерализмом, чем некоторые из западных народов. В этом отношении весьма показателен недавно принятый в Санкт-Петербурге прекрасный закон о запрете пропаганды гомосексуализма среди

несовершеннолетних. Такой закон в современных западных государствах, где слишком сильны позиции либерализма, просто немислим. Американская певица, именующая себя Мадонной (в детстве крещенная по католическому обряду, хотя впоследствии и примкнувшая к каббалистическому течению раввина Берга, за какое-то отступничество она до сих пор еще почему-то не отлучена), пыталась протестовать против этого закона во время своего концертного турне по России. Сие вполне в духе пособорного католицизма. Ведь обновленческий «Катехизис Католической Церкви» призывает относиться к гомосексуалистам «с уважением, состраданием и тактичностью»! (ККЦ, п. 2358). Поэтому традиционализм с его антилиберальным пафосом, с его благолепным богослужебным обрядом, с его почтением к семейным и патриотическим ценностям имеет больше шансов привиться на русской почве. Если только не помешает внедренная модернистская агентура, которая, несомненно, попытается внушить нашим священникам ошибочные пастырские подходы.

6) Различия в понимании католической веры у сторонников и противников традиционализма столь велики, что ни о какой проповеди «просто католичества» тут не может быть и речи. Речь говорящего о католицизме неизбежно выражает некое отношение ко Второму Ватиканскому Собору, даже если этого прямо не говорится. Спросите говорящего: «Как Католическая Церковь относится к экуменическому диалогу?» — и тут не может быть одинакового ответа у представителей разных позиций. Сторонники Второго Ватиканского Собора нередко сдают позиции перед антикатолическими клеветниками, отказываются защищать кресто-

вые походы, инквизицию, светскую власть Папы и т. п. Покажите эту статью убежденному стороннику Второго Ватиканского Собора и посчитайте, сколько раз он будет выражать недовольство при чтении данных строк. Это, скорее всего, будет много раз. Следует отдавать себе отчет в том, что человеческий материал, из которого набирается паства российских новообрядных католических приходов отнюдь не самый подходящий для традиционалистов. Поэтому поспешно «тащить» их в традиционализм не стоило бы. Скажем, многие католики в Москве — бывшие прихожане православного модерниста прот. А. Меня. Перевоспитывать такой контингент, отучая их от экуменизма, либерализма и т. п., было бы крайне трудно. Со злым ли умыслом или без оного, такие люди могли бы оказаться осознанными или же неосознанными агентами влияния модернизма, разлагающими традиционную среду изнутри. Да, абстрактно мы хотим обращения к истине всех людей, но сначала хорошо бы обратить тех, кому легче усваивать истину, чтобы они стали малой евангельской закваской, квасящей всё тесто (см. I Кор. 5, 6), хорошим примером для остальных, обращенных впоследствии.

7) Замалчивать истину ради каких-то целей вообще сомнительный с нравственной точки зрения акт. Иногда по серьезным уважительным причинам это можно, но возводить такое поведение в систему крайне аморально. Мы обязаны нести свет истины (см. Мф. 5, 14 — 16).

И тут придется снова сделать экскурс в изучение умонастроений, увы, распространенных среди российских католических неофитов, и указать на наивность

ряда форм русского «западничества». В начале XIX столетия жил да был такой декабрист М. С. Лунин. Он любил всё «западное». Поэтому он одновременно принял католичество и состоял в масонской ложе (что в Католической Церкви карается, на основании буллы Папы Климента XII «*In eminenti*», отлучением). Если вы хотите серьезно усвоить лучшие достижения западной культуры, то вы должны понять, что Запад это не монолит, а арена конфликта супротивных сил. Вы должны не обожать всё «западное» без разбору, а четко встать на сторону одного из лагерей в западной разборке. Если вы пытаетесь быть «над схваткой», то вы — азиат, которого конфликты между европейцами не касаются. Надеюсь, что свой первый выбор читатель сделал — большинство предполагаемых читателей данной статьи будут католики, и при том вряд ли кто-нибудь из них будет масон. Но если вы попытаетесь примирить в себе традиционный и пособорный католицизм, то вы окажетесь в положении не менее трагикомичном, чем было у несчастного Лунина. От такой страшной ошибки хотелось бы предостеречь. Мы за Запад Людовика XVI против Запада М. Робеспьера, за Запад св. Франциска Ассизского против Запада Вольтера, за Запад Ш. Морраса против Запада К. Маркса.

Поэтому, принимая католичество, мы никак не можем быть и за кардинала Пи (антилиберал XIX в.), и за отца Ляменне («либеральный католик» XIX в.) одновременно. Нам надо сделать выбор, решительный как жребий, брошенный Юлием Цезарем при переправе через реку Рубикон. Следует выбирать, по меткому выражению Е. П. Чудиновой, «между католицизмом и католицизмом». Автором данных строк выбор сделан — за кард. Л. Ф. Д. Э. Пи против свящ. Ю. Ф. Р. Ляменне, за

архиеп. М. Лефевра против кард. А. де Любака. Мне вспоминаются наивные рассуждения одного человека, который думал, будто существует некая единая «схоластическая философия». Пришлось популярно объяснять ему огромные различия между философскими системами св. Иоанна Бонавентуры, св. Фомы Аквинского, блаж. Иоанна Дунса Скота, Вильгельма Оккама, Франциска Суареса и т. д. Но если различия между схоластическими школами вполне законны, томист и скотист со спокойной христианской совестью могут считать себя людьми одной веры, то Второй Ватиканский Собор извращает католическое учение о вере и нравах. Католиками сторонников его заблуждений можно назвать только в чисто юридическом смысле, формально, доколе не состоялся будущий церковный суд над ними. Нет пока на них судебного приговора, что они — еретики, хотя перед Богом и своей христианской совестью мы это серьёзно подозреваем. (Впрочем, те, кто до этого будущего суда по непреодолимому и добросовестному неведению не знает о противоречиях между новшествами Ватикана-II и традиционным католическим вероучением — католики.) Экуменизм, либерализм, религиозная свобода, подчеркивание роли коллегиальных органов церковного управления — всё это суть доктринальные новшества, ранее осужденные церковным Учительством. Литургическая же реформа 1969 г. — верх пособорного нечестия. Эти банальные в рамках традиционных взглядов положения напоминаются для того, чтобы читатель-традиционалист не пытался от них абстрагироваться. Любое рассуждение традиционалиста всегда должно находиться в соответствии с ними.

Ложно понятая вероисповедная солидарность будет нам только мешать отстаивать настоящий католицизм против его либеральных извратителей. Совсем не надо бояться, что наша критика неокатолицизма будет использована православными против католицизма вообще. Во-первых, даже если мы замолчим, среди православных есть хорошо информированные люди, хорошо знакомые с трудами западных традиционалистов. Во-вторых, нам необходимо решать проблему защиты чести Католической Церкви (см. выше, в нумерованных пунктах, п. 4). В-третьих, мы можем заработать, по крайней мере, на какое-то время, терпимое отношение православных к себе, несмотря на наш антиэкуменизм, что было бы полезно для наших специфических общественных интересов в России. Православные периодически пытались использовать различные католические и псевдокатолические группы, конфликтовавшие с Римом (защита иезуитов Екатериной II во время их конфликта с Римом, контакты в XIX в. со старокатоликами и мариавитами и т. п.). Мы можем извлечь из этого большую политическую выгоду. Влияние структур РПЦ на органы государственной власти в ряде стран СНГ — хорошо известный факт. Для миссии в России полезно, что переговоры Священнического Братства св. Пия X с Ватиканом о примирении пока забуксовали. В-четвертых, никакого «католицизма вообще» в природе не существует, есть католицизм традиционный и есть «католицизм» обновленческий (см. выше, в нумерованных пунктах, пп. 1 и 6). Нам незачем бояться подчеркивать нашу инаковость по отношению к сторонникам Второго Ватиканского Собора. И нельзя предавать католическую Традицию, добиваясь их хорошего отношения к нам.

Но нам могут сказать: «Вот теперь настал понтификат Бенедикта XVI, Ватикан взял крен вправо, вы можете законным образом удовлетворить свои духовные потребности. В Москве и ряде других городов служится традиционная месса, "Una Voce Russia" выпускает журнал "Живая Традиция", где печатаются близкие вам по духу материалы. Стоит ли теперь Братству св. Пия X сохранять свою миссию в России, разделяя немногочисленных традиционалистов на сторонников Братства св. Пия X и сторонников "лояльного" традиционализма?» Ответ очень прост. Сущность традиционализма не заключается только лишь в защите Тридентской Мессы. Это, конечно же, очень важно, ибо новая месса для последовательного традиционалиста абсолютно неприемлема, но сие далеко не всё. Лояльные официальным церковным властям традиционалисты находятся в крайне двусмысленном положении. С одной стороны, они вынуждены постоянно выказывать свою лояльность официальным церковным властям, с другой им, при общении с нами, приходится доказывать, что они — нормальные традиционалисты, со взглядами не сильно отличающимися от наших, а не предатели дела Традиции. Они не могут публично сказать — Второй Ватиканский Собор (а не его интерпретаторы) заблуждался, новая месса — протестантизирована и не является субъектом воскресной обязанности, архиепископ Лефевр — никакой не схизматик. Они не могут публично бороться с экуменизмом и заблуждениями о религиозной свободе. Их обоснование, зачем им нужна тридентская месса, сводится к субъективизму — соответствует она, видите ли, их специфической духовности и эстетическим вкусам (по крайней мере, это именно так при их официальном общении с церковными властями). В Москве и

Санкт-Петербурге уже было несколько случаев, когда лиц, открыто заявивших взгляды, близкие к нашим (что они не считают новую мессу католической и т. п.) лишали доступа к Таинствам в лояльных официальных церковных властях структурах. Кто же будет исповедовать и причащать этих людей?! Только священники из Братства св. Пия X. Что же касается сторонников «лояльного» традиционализма, то им приходится выбирать между патологическим раздвоением личности и лицемерием. Пытаться сочетать искреннюю приверженность делу святой традиции с искренним же послушанием Второму Ватиканскому Собору (ориентируясь на его консервативную интерпретацию) — раздвоение личности. Нельзя совмещать несовместимое, считать одновременно истинным, что $2 \times 2 = 4$ и $2 \times 2 = 5$. Быть же «лефевристом» за рюмкой водки с друзьями и лояльным ко Второму Ватиканскому Собору на аудиенции у официальных церковных должностных лиц — лицемерие (осознанное или неосознанное). Католик должен открыто и публично защищать всю полноту истины (см. Мф. 5, 14 — 16). Когда в древнем Риме язычники преследовали христиан, они предлагали подследственному бросить крупицу ладана на кафельный жертвенник языческого ложного бога. Римский чиновник при сем нередко приговаривал что-то вроде того: «Ну, исполни ты эту положенную по законам Империи пустую формальность (я вот скептик и сам не верю, что этот мраморный истукан — бог), и иди отсюда. И продолжай ты верить в Этого своего Христа». А настоящий христианин не имеет права исполнять таких отнюдь не пустых «формальностей» (см. Втор. 6, 13; Мф. 4, 10; 10, 33). Никогда. Сейчас нам предлагают нечто подобное: «Один раз скажите, что вы не против Второго Ватиканского Собора (кото-

рый можно консервативно интерпретировать), может быть один раз причаститься на новой мессе, доказав, что вы не лефевристы — и будет вам тридентская месса (в красивой церкви, а не на квартирах и не в арендованных конференц-залах), будет вам распространение ваших журналов в официальных церковных киосках, и схизматиками вас обзывать после этого всяким там неокатехуменатам не позволим... Поступитесь своими несовременными принципами, и всё будет хорошо». И выходят журналы как бы «правильные» с любой точки зрения: ни модернисты не могут к ним придраться (не сказано же, что они против Второго Ватиканского Собора), ни мы (что так уж «за» тоже вроде бы не сказано). Достигается же эта «правильность» путем ухода от обсуждения некоторых важных острых тем и отказа от ответов на наболевшие вопросы. Если же, обидевшись на этот наш упрек, они такие ответы попытаются дать, то они кого-нибудь непременно разочаруют. Дай, Боже, чтобы они разочаровали модернистов, но, скорее всего, их ответы разочаруют нас. Мы никоим образом не хотели бы отрицать наличия положительных сторон в деятельности и искренности благих намерений у членов и руководителей российских структур *Una Voce* и *Summorum Pontificum*, но их путь считаем тупиковым. Автор данных строк сам отдал дань тщетным надеждам, будто между традиционалистами, неодинаково понимающими способы защиты предания, возможны мир и сотрудничество. И помогал я первым шагам российского *Una Voce*, например, выдавая во временное пользование облачения из своей личной коллекции, приведя еще на мессы священника Виталия Леонтьева FSSP нескольких своих знакомых. Как хотелось тогда быть нейтральным, остаться в данном вопросе «над схваткой». Глядя на недру-

жественную деятельность «лояльных» традиционалистов,* читая постинги некоторых людей на Интернет-форумах, где утверждается, что в актах Второго Ватиканского Собора нет еретических положений и что Братство св. Пия X — «некатолическая организация» или даже «схизма» (и как только не стыдно такое писать после снятия так называемых «отлучений» Бенедиктом XVI!), волей-неволей утрачиваешь все иллюзии. Великий М. Девис, автор гениальной книги «*Apologia pro Lefebvre*», отошел ко Господу и на взгляды современного *Una Voce* влияния не оказывает (по крайней мере, в России). Да, автор данных строк и сейчас скажет, что Божественное Провидение призвало лояльных и нелояльных Ватикану традиционалистов для осуществления двух различных, но важных миссий — первые свидетельствуют самим фактом своего существования, что тридентский обряд есть нечто совершенно законное (увы, в наше страшное время это приходится доказывать), а вторые — пугало для Ватикана, вынуждающее терпеть первых, ради ослабления позиций вторых. И существование в Москве нашей общины, а также седевакантистской общины свящ. Александра Крысова, вынудило архиеп. Павла Пецци терпеть и продвигать мессы свящ. Августина Дзендзеля SDB в кафедральном соборе. Лояльные Ватикану традиционалисты могли бы сыграть в нынешних официальных структурах роль, подобную той, что играли в иудейском Синедрионе свв. Никодим и Иосиф Аримафейский. Жаль, что в их среде наби-

---

* Сказанное не является ни абстракцией, ни субъективным впечатлением. При необходимости мы готовы подтвердить сказанное конкретными фактами, с указанием имен виновников. — *Прим. ред.*

рает обороты тенденция к вырождению в *The Conciliar High Church* [Пособорную Высокую Церковь]. Может быть, как раз «лояльные» делят традиционалистов, препятствуя Братству св. Пия X сплотить всех, кто тянется к традиционной Мессе? Автор данных строк никогда не был фанатичным «патриотом» Братства св. Пия X как организации, никогда не вступал в Третий Орден, всегда уважал М. Девиса и ему подобных достойных людей в *Una Voce*, но люди, считающие FSSPX «схизмой» отнюдь не вправе рассчитывать на миролюбие последовательных традиционалистов.

Господь повелел католикам свидетельствовать об истине. Много об этом говорили и святые. «Каждый католик — апостол!» (св. Викентий Паллотий). Под словом «апостол» в католической литературе, когда речь не идет о современниках Христа, подразумевается миссионер. Мы должны свидетельствовать об истине, в рамках своего положения (свидетельство мирян и священников неодинаково, только священники вправе учить со властью, как официальные представители Церкви). Но и мирянин вправе и обязан говорить с теми, кого встречает на своем пути, до кого не всегда доберется священник, а самые образованные могут и писать, защищая католическую истину. И молиться, много молиться об обращении всех, кто еще чужд святой католической истине. Полной католической истины, не замутированной заблуждениями модернистов. Как совершенно верно замечает свящ. Иоанн Дженкинс FSSPX в своей статье «Почему мы работаем в Польше? Потому что мы — самые современные из всех», апостолат Братства св. Пия X в Восточной Европе «не будет нуждаться ни в чём, кроме верности тому, что оставил нам Сам Спаситель — Традиции. Особенно посредством изуче-

ния извечных истин веры и приверженности Мессе всех времен. Новые катехизисы и новые обряды не передают Предания Церкви. II Ватиканский Собор не передаёт учения Церкви, но — как признают сами его теологи — это был лишь пастырский эксперимент, предпринятый с целью модернизации Церкви. Когда мы говорим, что принимаем Собор в свете Традиции, это значит, что мы принимаем в нем только то, что не противоречит Традиции. А в прочих аспектах мы всецело его отвергаем. Пытаясь приспособить Церковь к чаяниям современного человека, виновники Собора тем самым уничтожили какую-либо ценность, которую он мог бы иметь. Его плоды уже испорчены и рано или поздно о нем можно будет прочесть только как об эпизоде в истории Церкви. Подобно тому, как мы теперь дивимся соблазнам, творимым некоторыми Папами эпохи Ренессанса, так и в будущем католики будут дивиться заблуждениям, которые возникли на последнем Соборе» (*Zawsze wierni*, № 1 [164], 2013, str. 19–20). Верно это и для миссии в России, важность коей столь подчеркнута в пророчествах Пресвятой Богородицы, явившейся в **Фатиме**. Мы нуждаемся только лишь в верности Традиции.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать только одно: традиционной католической миссии в России — быть! В чём да поможет нам Господь. Аминь.

И. Л***

О возрождении традиционализма в России

Мы живем в ситуации крайне тяжелой для всего человечества. Нас 7 миллиардов. Католиков немногим более миллиарда, но уровень их сознательности невысокий. События в Руанде в 1994 году показали, что даже некоторые католические священники, не говоря уже о мирянах, принимали активное участие в геноциде тутси, убивали своих братьев-католиков только за то, что они принадлежали к другому племени. Об этом стоит задуматься и не обольщаться большими цифрами.

Non multa, sed multum — гласит древняя латинская поговорка. Раньше были великие обращения: Альфонс Ратисбон, Джон Генри Ньюмен, Владимир Сергеевич Соловьев, Гилберт Кийт Честертон. Были и великие кающиеся: Ференц Лист, Поль Верлен, Карл (Шарль) Гюисманс. А теперь вообще ничего: единственное яркое обращение — доктор Бернارد Натансон, а о покаяниях вообще не слышно. Люди уходят из Церкви и не возвращаются. Ярких мыслителей ранга Этьена Жильсона и Жака Маритена нет. Жан Гиттон и о. Стэнли Л. Яки OSB умерли.

Во всём мире падает число священнических и монашеских призваний. Соответственно, средний возраст монахов и монахинь увеличивается, т. е. идет процесс старения обитателей монастырей.

Еще одна проблема наметилась в начале третьего тысячелетия, хотя назревала уже давно. Церковь ныне сотрясают скандалы, связанные с нецеломудренным поведением некоторых священников и прелатов.

Если таковы христиане-католики, то каков же остальной мир? В протестантских церквях давно уже уза-

конены разводы, противозачаточные средства, обсуждается благословение однополых браков.

Мы все стали свидетелями радикализации ислама и появления исламского терроризма.

Иерусалим — город мира — стал ареной кровавых столкновений и раздоров.

Мир сотрясают межэтнические и межрелигиозные конфликты: на Кавказе, на Балканах, в Африке, на Ближнем Востоке.

Несмотря на то, что коммунизм причинил народам мира неслыханные страдания и был причиной массовых казней и голода, создал систему концлагерей, коммунистические идеи до сих пор господствуют в Китае и Северной Корее, популярны среди интеллигенции Франции и Италии, Испании и Португалии. Коммунистическими идеями вдохновляются некоторые католические священники в странах Центральной и Латинской Америке. И даже в России, где коммунизм явил свой звериный оскал с наибольшей ясностью, до сих пор спорят, правы ли Ленин и Сталин.

Уже со времен Гитлера можно говорить всерьез о таком явлении, как неоязычество, частным случаем которого является сатанизм. Церковь Сатаны официально существует в США с 1966 года.

Беспрецедентный кризис переживает моногамная традиционная семья. Исчезают традиции многодетности. Как правило, в развитых странах в семье один ребенок. Он, в силу объективно действующих психологических законов, вырастает эгоистом. Психологи давно уже говорят о травмах, которые причиняет детям развод родителей. Но число разводов растет и в развитых странах в городах распадаются более половины заключенных браков.

Уже Освальд Шпенглер и Макс Вебер описывали превращение капитализма из промышленного в финансовый. Власть денег в современном мире становится бесконтрольной. Человека начинают ценить не за его нравственные достоинства, а за капитал, которым он обладает. Притягательность денег порождает преступность и коррупцию.

Попав под обаяние идей атеизма, человек ощущает себя песчинкой в этом мире, у него возникает страх перед болезнью, смертью, небытием. С этим страхом он пытается бороться с помощью алкоголя и наркотиков.

Во всём мире падает интерес к истинной религии, которая подменяется подделками типа антропософии, масонства, Нью-Эйдж. Аналогичные процессы происходят и в мире культуры. Высокая культура, основанная на христианских ценностях, подменяется массовой культурой.

Подытоживая, мы можем сказать, что возвращаются самые мрачные картины Римской империи времен упадка.

Видеть эту мрачную картину, и не ужасаться ей, как не ужасались Тертуллиан и св. Киприан Карфагенский зрелищем нравственного падения Римской империи, как не ужасался св. Августин Иппонийский зрелищу ее физического падения, помнить о словах Христа: «Смотрите, не ужасайтесь: надлежит всему тому быть» (Мф. 24, 6) — это и есть традиционализм. «Вам же и прочим, находящимся в Фиатире, которые не держат сего учения и которые не знают так называемых глубин сатанинских, сказываю, что не наложу на вас иного бремени; только то, что имеете, держите, пока приду» (Откр. 2, 24).

Эта позиция очень созвучна русскому человеку. Си-луан Афонский — русский подвижник XIX века — говорил: «Держи душу свою во аде и не отчаивайся». Выдающийся русский философ Константин Николаевич Леонтьев писал: «Мученики за веру были при турках — при бельгийской конституции едва ли будут и преподаваемые». Владимир Сергеевич Соловьев в «Повести об Антихристе» рисует неутешительную картину последних дней. И, наконец, о. Павел Флоренский, Борис Николаевич Ширяев, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Алексей Фёдорович Лосев и Александр Исаевич Солженицын, оказавшись в советских концлагерях, увидели реально, что такое «царство Антихриста». Русский человек помнит трезвые слова, сказанные епископом Игнатием (Брянчаниновым)*: «Нынешнее отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею. Устранись, охранись от него сам». Поэтому русскому человеку внятна реалистическая позиция Папы Пия XII, кардинала Йозефа Миндсенти, архиепископа Марсея Лефевра. И это на самом деле не шопенгауэровский пессимизм, а христианское трезвение.

Это трезвение сочетается с глубоким упованием на Бога и на помощь Царицы Небесной, Пресвятой Богородицы, которая может умолить Сына Своего «сохранить нас от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле» (Откр. 3, 10). Аминь.

---

* Цитирование отдельного правильного высказывания еп. Игнатия (Брянчанинова), причисленного РПЦ «к лику святых», никак не означает, что автор во всём с ним согласен. — *Прим. ред.*

А. А. Тетушкин

Традиция

Зачем нужна в России традиция? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, что такое традиция. На русский язык это слово переводится, как «предание», то, что передано.

Христос не записал Своего учения, а передал его Апостолам, которые частично записали его в Священных Книгах, а часть передали устно. Таким образом, о предании можно говорить двояко. И как обо всём учении Христа переданном через Его Церковь, и как о части Божественного Откровения, не записанном в Св. Писании.

Спаситель составил из Своих последователей Церковь, по-гречески «Экклесию», т. е. собрание, собранное для определенной цели. Так, например, называлось народное собрание в Афинах.

Такое собрание имеет свою структуру, руководство, порядок проведения. Так как Церковь установлена Христом, то Он Сам и установил руководство ею, сказав Апостолу Петру: «На тебе воздвигну Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». «Что свяжешь на земле, то будет связано на небе, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 16, 18 – 19) Церковь основана для спасения людей. Одним из условий этого спасения является истинная вера, а значит Церковь так же должна правильно открывать ее. Господь на Тайной Вечере обещал Своим Апостолам помощь Святого Духа. «Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину» (Ин. 16, 13). Этот Дух продолжает жить в Церкви. Поэтому Апостол назвал Церковь «столп и утверждение истины» (I Тим. 3, 15). Столп есть то, что поддерживает, а не то, что поддерживается. Таким образом, именно Церковью хранится и распространяется учение.

Однако нигде, ни в Писании, ни у Отцов не утверждается, что именно церковный народ хранит веру. Наоборот, это хранение дано иерархии, в особенности, Римскому Первосвященнику, как преемнику св. ап. Петра.

Учение Христа, передававшееся от Церкви называлось ортодоксией, правоверием, в противоположность гетеродоксии, иноверию — ложному учению, ереси.

Иными словами, традиция, о которой говорят ее приверженцы и есть ортодоксия, истинное учение, одно из необходимых условий спасения. И поэтому она нужна в России просто потому, что в ней нужна истинная католическая вера, необходимая для спасения.

Но кроме веры под традицией, говоря о ней, подразумевают и дособорное богослужение. Дело в том, что богослужение есть носитель веры, и оно должно соответствовать ортодоксальному учению и правильно направлять молящихся в общении с Богом.

Но разве невозможны изменения в Церкви?

Изменения возможны только в том, что Бог отдал в распоряжение людей. Это ограничено Божественным правом, куда входит и Божественное Откровение, которое может только верно преподаваться. И то, что окончательно определено в Церкви изменяться не может. На протяжении веков происходило уточнение веры посредством принятия новых формулировок. Однако необходимо, чтобы и богослужение, и церковная дисциплина соответствовали учению Христа, вели человека правым путем к Богу. Всё это находится в старых богослужении и дисциплине, в отличие от появившихся после II Ватиканского Собора, которые несут в себе идеи, осужденные церковным учительством. Поэтому-то и необходимы традиционные вера, обряд, дисциплина в России, чтобы вести людей ко спасению.

Органное донорство: Могут ли быть у трупа живые органы?

Профессор теологии свящ. Йозеф Шумахер* (Фрейбург) в интервью *Kath.net* о проблеме органного донорства.

– Господин профессор, общественное мнение в отношении органного донорства представляется однозначным, у донорства имеются многочисленные сторонники. СМИ, врачи, политики, христианские конфессии – все восхваляют его как самоотверженный дар умершего. И других точек зрения практически не услышишь. Однако в разговорах с отдельными людьми проступает некое внутреннее беспокойство, чувство неловкости, причины которого хотя и невозможно точно описать, но которое, однако, угнетает. О чём идет речь, почему возникает это чувство?

– Здесь поднимается вопрос о так называемом посмертном донорстве жизненно-важных органов. От него следует отличать прижизненное донорство, когда речь идет о парных органах, забор которых не приводит к смерти самого донора. Широкая поддержка органного донорства и трансплантологии является результатом, с одной стороны, воодушевления от прогресса и успехов

---

* Профессор о. Йозеф Шумахер, священник из епархии г. Мюнстера, с 1978 г. работает в епархии г. Фрейбурга, а также преподает в одном вузе.

медицинской науки, а с другой стороны — чрезмерной пропаганды этих достижений в СМИ.

Кроме того — кто же не заинтересован в продлении человеческой жизни? Неудобное же чувство возникает тогда, когда человек хотя бы немного осведомлен о том, что же конкретно происходит при заборе органов. Характерно то, что, когда донорство пропагандируется, об этом речь почти не ведется. Принятие обществом трансплантологии основывается на том, что существует недостаток информации об органном донорстве и его этических, социальных и экономических аспектах. После одного из докладов на тему трансплантологии и ее оценки в свете христианской этики, который я прочитал перед аудиторией из приблизительно 40 слушателей, ко мне подошел бывший руководитель терапевтической клиники, в настоящее время находящийся на пенсии, и рассказал мне, что этим вечером он впервые столкнулся со всей сложностью и многогранностью этой проблемы. В начале, однако, имелся определенный критический взгляд на рассматриваемый нами круг вопросов. Но в последние годы заметно возросло число тех, кто по вопросам трансплантологии высказывает серьезные этические, а также антропологические опасения. Среди них есть также медики, хотя нужно признать, они находятся в меньшинстве. Тем, кто критически рассматривает эту проблему, не хватает лобби и поддержки СМИ, поэтому их не так заметно. Опасения по поводу органного донорства и трансплантации следуют из того факта, что трупные органы непригодны для пересадки, так как более нежизнеспособны. Говоря другими словами, проблема заключается в том, что орган, пригодный к трансплантации, должен быть живым. Каким же образом от мертвого человека можно получить живые органы?

– Здесь, в области, пограничной между жизнью и смертью, именно само определение смерти является решающим моментом. Забор органов у умершего представляется вполне этичным – однако, когда же человек является действительно мертвым?

– Мертвый орган непригоден для трансплантации. Органы, предназначенные для пересадки, должны проявлять признаки жизни, и только в том случае могут быть пересажены, если до момента своего забора сохранялось их кровоснабжение. Фактически могут быть использованы только органы человека, которого признали мертвым. Такую возможность дает диагноз смерти головного мозга. Это определение пришло на смену таким традиционным критериям смерти человека, как окончательное прекращение сердечной деятельности и кровообращения. С его помощью человек, у которого исследования больше не выявляют электрической активности головного мозга, считается мертвым, даже если сердце еще продолжает биться.*

Критерии смерти головного мозга имеют в Германии, а также и в большинстве других стран, правовой статус. Чтобы быть уверенным в мозговой смерти, должно быть проведено специальное исследование согласно стандартному протоколу в соответствии с законодательством.

---

* Здесь допущена небольшая неточность – приоритет имеют так называемые клинические критерии смерти головного мозга, а именно 9 специальных тестов, определяющих признаки жизнеспособности не только коры головного мозга, но и подкорковых структур. Исследование электрической активности головного мозга является лишь дополнительным методом исследования в процессе постановки данного диагноза, но отнюдь не решающим. Почему – см. дальнейшие сноски. – *Прим. пер.*

Временем наступления смерти теперь считается время завершения процедуры диагностики смерти головного мозга. В 1968 году комиссия Гарвардского университета выработала так называемые «Критерии смерти головного мозга», названные впоследствии гарвардскими, и рекомендовала в будущем использовать их в качестве критериев смерти человека.

– Критерии смерти головного мозга, в основе которых лежит понятие необратимой комы, до сих пор признаются большинством. Убеждают ли вас эти критерии?

Диагноз смерти головного мозга основывается на том факте, что головной мозг погибает раньше других органов, что гибель головного мозга и гибель остальных органов может очень сильно различаться по времени, вплоть до месяцев, и что возможности интенсивной терапии позволяют в течение длительного времени поддерживать такие основные жизненные функции, как дыхание и кровообращение. И смерть головного мозга является прагматичным определением, юридической констатацией, определенным соглашением внутри службы органного донорства. Забор жизненно-важных органов у живого человека представляет собой уголовно наказуемое убийство. Но применение критериев мозговой смерти позволяет оправдать забор жизнеспособного органа у пациента с необратимой комой. Использование этого диагноза дает возможность не только произвести забор органов для трансплантации, но и оправдать отключение умирающих от аппаратуры жизнеобеспечения. С одной стороны, здесь имеется заинтересованность в смерти умирающего, с другой стороны интерес направлен то, чтобы перехитрить смерть с помо-

щью органов этого самого умирающего, пересаживая их другому пациенту, который иначе умрет.

Смертью головного мозга, или необратимой комой, или церебральной смертью считается необратимое выпадение всех функций головного мозга, с которыми связаны утра-та сознания и функции дыхательного центра.*

---

* Смерть мозга — это тотальная гибель всего головного мозга, как коры, так и подкорковых структур. К ее признакам относятся: а) Полное и устойчивое отсутствие сознания (кома). б) Атония всех мышц. в) Отсутствие реакции на сильные болевые раздражения в области тригеминальных точек и любых других рефлексов, замыкающихся выше шейного отдела спинного мозга. г) Отсутствие реакции зрачков на прямой яркий свет. При этом должно быть известно, что никаких препаратов, расширяющих зрачки, не применялось. Глазные яблоки неподвижны. д) Отсутствие роговичных рефлексов. е) Отсутствие окулоцефалических рефлексов. ж) Отсутствие окуло-вестибулярных рефлексов. з) Отсутствие фарингеальных и трахеальных рефлексов. и) Отсутствие самостоятельного дыхания. Электроэнцефалография (ЭЭГ), о которой говорил выше проф. свящ. Й. Шумахер, определяющая электрическую активность нейронов головного мозга, более пригодна для диагностики поражений коры, но менее пригодна для определения активности мозгового ствола и поэтому используется как дополнительный, но не обязательный метод исследования. Отсутствие электрической активности на ЭЭГ не является основанием для диагностики смерти головного мозга, так как для постановки такого диагноза необходимо достоверно подтвердить гибель не только коры, но и нижележащих подкорковых структур, чего возможности ЭЭГ не позволяют.

Существует более надежный метод исследования, позволяющий поставить диагноз мозговой смерти с очень высокой степенью достоверности — а именно церебральная ангиография, исследующая мозговой кровоток, и называемая еще «золотым стандартом смерти мозга», но которая используется далеко не всегда ввиду определенной трудоемкости и дороговизны, а также возможности повреждения донорских органов, например, почки, при воздействии внутренне вводимого контраста. (Продолж. на сл. стр.)

Обычно гибель головного мозга и гибель сердца совпадают по времени. Однако прекращение сердечной деятельности или остановка дыхания сегодня уже не вынуждают врача, как прежде, разочарованно оставить все свои усилия. С помощью целенаправленной поддержки сердечной деятельности или искусственной вентиляции легких или использования искусственной почки нарушенная функция жизненно-важного органа может быть замещена столь долго, сколько это потребуетсЯ либо для ее восстановления, либо для появления возможности выполнения хирургического вмешательства. Прежде всего, это относится к черепно-мозговым травмам, анестезиологическим осложнениям, отравлениям, инфарктам миокарда и тромбоэмболии легочной артерии. Дыхание и сердечная деятельность могут быть сохранены, но координирующая функция головного мозга необратимо утрачена. Тут возникает вопрос, действительно ли смерть мозга является смертью человека? Можно ли признать мертвым человека, у которого еще бьется сердце, который еще дышит и в который имеет самостоятельное кровообращение, т. е. который

Поэтому вышеперечисленные 9 клинических тестов, исследующие функцию всех основных структур головного мозга, и являются важнейшими для диагностики мозговой смерти и именно их результаты являются решающими. Помимо утраты сознания и функции дыхания, о которых говорит профессор, необходимо определение еще и остальных 7-ми признаков из 9-ти. При этом обязательным является отсутствие усложняющих диагноз и симулирующих смерть мозга состояний, таких как гипотермия (охлаждение), воздействие медикаментов, ядов, метаболических состояний, которые могут дать результаты, идентичные результатам при смерти головного мозга, т.е. позволить ошибочно признать живого человека мертвым. Кстати, сама возможность симуляции этого диагноза уже может ставить под вопрос абсолютность этих критериев. — *Прим. пер.*

еще фактически жив?* Но это делается, потому что мозг этого человека необратимо поврежден. Считается, что человек мертв, если мертв его мозг. Но не редуцируется ли тем самым человек до уровня собственного мозга? Можно ли свести человеческую жизнь к электрической активности головного мозга или к необратимому выпадению функции одного из органов, хотя бы даже сердца?** Человек больше, чем его мозг. Он состоит из тела и души. Душа человека проявляет себя через мозг, но не только через него, она выражает себя во всей телесной сущности человека. Не приравниваем ли мы дух человека к функции мозга, не идентифицируем ли мы эти понятия? Умерший в 2005 г. нейрофизиолог и нейрохирург Детлеф Бернхард Линке задает вопрос: может ли человек считаться мертвым, если 97% клеток его тела еще живы, а функция тех 3%, которые составляют его мозг, выпала? По здравому суждению

---

* Здесь опять возникает неточность в определениях: для диагностики смерти головного мозга обязательным является отсутствие самостоятельного дыхания при сохранении собственной сердечной деятельности — для этого проводится так называемый тест апноэтической оксигенации. Также основным контингентом потенциальных доноров являются пациенты, пострадавшие в ДТП с изолированными повреждениями головы или пациенты с обширными внутримозговыми гематомами нетравматической природы, в остальном соматически здоровые, чего не будет, например, в случае с инфарктом миокарда или тяжелым отравлением. В таких случаях не будет, правда, и смерти головного мозга. — *Прим. пер.*

** Здесь опять возникает неточность — как уже было выше сказано, отсутствие электрической активности головного мозга на ЭЭГ не может служить критерием его смерти из-за ограничений самой методики ЭЭГ. Тогда как выпадение функции сердца, т. е. его остановка, является классическим признаком смерти для врачей всех времен и народов. — *Прим. пер.*

пациенты со смертью головного мозга являются умирающими, но не умершими. Они находятся в процессе умирания, и, исходя из достоинства человека, его неотъемлемых прав и особого положения во вселенной, никто не имеет права активно вмешиваться в этот процесс, приводя его к концу. Пациенты, у которых установлена смерть головного мозга и чьи жизненные функции поддерживаются искусственно, не должны рассматриваться как мертвые, сам этот подход является надуманным. С этической точки зрения забор жизненно-важных органов у живого человека также не может быть оправданным, даже если он сам или его родственники дали на то свое согласие, потому что активная эвтаназия морально неприемлема, человек не имеет права распоряжаться своим уходом из жизни. Наступление смерти не является чисто медицинской проблемой, это происходит тогда, когда человек рассматривается исключительно с биологической точки зрения. Но когда за медициной признается право и задание установить начало необратимого процесса умирания, то в таком случае стоит указать, что мнения относительно того, какие критерии смерти головного мозга следует использовать, очень разнятся. В период между 1968 и 1978 годами было опубликовано по меньшей мере 30 различных групп критериев. С тех пор добавилось и много новых. Отсюда видно, что в разных странах действуют разные правила забора органов. Помимо того, различными являются также методики констатации смерти головного мозга. И не без основания возникает вопрос, насколько можно доверять данным той аппаратуры, которая используется сегодня, не получим ли мы завтра с помощью более совершенных приборов более надежные результаты? Все же есть сообщения о паци-

ентах с диагностированной смертью головного мозга, которые неожиданно вернулись к жизни или о тех, которые произвели на свет детей. Даже если игнорировать все аргументы, которые говорят против смерти таких пациентов, следовало бы по меньшей мере признать, что всё-таки это не совсем настоящая смерть. Но если существует хотя бы малейшее сомнение в том, что при заборе жизненно-важных органов можно лишить жизни живого человека, наш долг — от таких действий отказаться. Это следует понимать. То, что критерии смерти головного мозга находят такое широкое признание, основывается на слепом доверии тому определению, фактический смысл которого непонятен не только дилетантам, но даже и многим врачам. Философ Ганс Йонас (†1993) объясняет тот успех, с которым понятие «мозговая смерть» было внедрено, «параличом самокритичного мышления» и «усыплением совести». Однако однозначно общепринятым понятие «смерть головного мозга» не было никогда, даже в медицинской среде. В течение последних нескольких лет очевидно растет сомнение медиков на этот счет, особенно с тех пор, как американские врачи Роберт Труог и Франклин Миллер во всеуслышание заявили, что хотя смерть головного мозга не является истинной смертью человека, что такие пациенты всё же являются умирающими, но поскольку общество нуждается в донорских органах, следует этого определения придерживаться. Между тем они и многие другие требуют «узаконенного убийства», чтобы иметь доступ к донорским органам, таким образом ставя под вопрос само неотъемлемое право человека на неприкосновенность его жизни. Когда викарный епископ Аугсбурга Лозингер на радио кельнского собора 25 ноября 2011 г. в качестве «экспер-

та» заявил, что смерть головного мозга означает смерть человека, я могу назвать это утверждение не иначе, как легкомысленным. Истина здесь уступает место политическим соображениям. И этот феномен сегодня нередко искажает и омрачает саму миссию Церкви и ставит под вопрос доверие к ней.

– Как мы можем себе непосредственно представить сам процесс изъятия органов? Родственники прощаются с человеком, имеющим нормальную температуру тела, которого на уровне ощущений они воспринимают как живого, только тяжелобольного. Обычно родственники собираются около умирающего в момент его смерти – здесь они покидают его. Что же происходит потом?

– Всё происходящее человек, у которого будут изъяты органы, переживает как умирающий, а не как умерший. Когда его вывозят из палаты интенсивной терапии, родственники прощаются не с трупом. Вместе с переносом смерти в операционную и забором органов умирающий лишается самой возможности достойной смерти, что, в общем-то, уже даже не считается проблемой, так как мы вынуждены сегодня констатировать всё возрастающее принятие активной эвтаназии, которая временами даже пропагандируется как некий вклад в оздоровление системы здравоохранения. Христианское же представление о кончине человека, между тем, является совсем другим. В сущности человек мечтает о другой смерти, нежели такой технизированной на операционном столе. Значительно важнее, нежели продление жизни любой ценой, является достойная смерть в кругу друзей и близких, в атмосфере твердого упования, сопро-

вождаемая молитвой Церкви. Здесь следует также указать, что к достоинству человека относится и его право на уважение и сохранение физической неприкосновенности даже в момент смерти, которое однако путем «разборки на запчасти и повторного использования органов умирающих» попирается, что можно расценивать как глубокое неуважение к уникальности и достоинству человеческого индивидуума, «причиняющее длительный или даже непоправимый вред нашим взаимоотношениям с другими людьми».

Также следует задаться вопросом, о каком уважении и благоговении может идти речь, если человек, нуждающийся в пересадке органа, с нетерпением ожидает смерти другого человека, чтобы извлечь из этого выгоду для себя. И для врача больше не идет речь об интересах обреченного на смерть человека, но только об интересах того, кому его органы должны быть пересажены. В связи с этим стоит также спросить себя, а что конкретно означает забор органов для реципиентов, для родственников, а также для медиков?

– Господин профессор, представьте себе, что врач сообщил Вам о том, что Вы сможете выжить лишь в том случае, если Вам будет пересажено донорское сердце или печень. Как бы Вы на это отреагировали?

– Очень показательным является то, что число тех, кто готов пожертвовать свой орган, гораздо меньше числа тех, кто этот орган хотел бы получить, и для кого пересадка органов является последним средством. Фактически число тех, кто интеллектуально приемлет трансплантологию, значительно превышает число тех, кто сам готов быть донором. Очевидно, немало людей

подозревает, что, забирая жизненно-важный орган у пациента со смертью мозга, мы вмешиваемся в процесс его смерти. И чтобы ответить на Ваш конкретный вопрос, я скажу так: поскольку я знаю, что означает в действительности изъятие органов, если речь идет о непарных жизненно-важных органах, и осознаю этические и антропологические аспекты этого деяния, мне не потребуется длительное размышление для того, чтобы ответить «Нет». Кроме, того, я задаю себе вопрос, да и реципиентам стоит тоже над этим задуматься: что это за жизнь, если она возможна только в том случае, если другой человек будет умерщвлен?

– Существует ли «долг христианской любви к ближнему» в отношении органного донорства?

– Если изъятие органов у пациентов со смертью головного мозга должно пониматься как активная эвтаназия, то слова Иисуса о том, что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13), являющиеся выражением Его безграничной любви, к трансплантологии неприменимы, потому что действие, непосредственно направленное на умерщвление человека, никогда не может быть законным. И именно об этом здесь идет речь. Самоотверженная Жертва Христова ни в коем случае не оправдывает поступки Его мучителей. Утверждение, что такое донорство является христианским деянием, никоим образом не может быть справедливым. К сожалению, совместная декларация совета Евангелической Церкви Германии (EKD) и Конференции немецких католических епископов от 1990 года не провела необходимых различий, отождествляя донорство органов с христианским

самопожертвованием по отношению к ближнему. Она чересчур явно была продиктована политическими соображениями. Фактически она снискала немало критики, и не в последнюю очередь потому, что без сомнений поставила себя на службу критериям мозговой смерти без глубокого рассмотрения этой проблемы с медицинской, философской и богословской сторон, так как без серьезных онтологических размышлений свела само бытие человека к функции головного мозга, никоим образом не вдаваясь в возникающие при этом проблемы, прежде всего потому, что рассматривает их односторонне, с позиции потенциального реципиента, т. е. того, кому этот орган будет пересажен. Церковь должна приветствовать прогресс и служить ему, это не подвергается сомнению, но она не должна это делать без разбора. Лишь только тогда она останется верной самой себе, когда будет служить истинному прогрессу.*

– В чём вы видите причины такой широкой кампании в поддержку органного донорства?

– Причины различны. Прежде всего, следует констатировать, что политики в принципе считают поддержку и позитивное законотворчество в области трансплантологии выражением положительного отношения к науке и ее возможностям и таким образом служением общему благу. При этом они в меньшей степе-

---

* Здесь допущена неточность — Церковь должна служить Господу Богу, а не прогрессу. Папа блаж. Пий IX в «Силлябусе» осуждает заблуждение, будто Церковь должна служить прогрессу (*DS 2980*). Поистине страшно, что Церковь пытаются заставить служить прогрессу и «проводить работу среди верующих». — *Прим. ред.*

ни обращают внимание на присущие трансплантологии этические и антропологические аспекты и полагают, что, как-либо используя человеческие ресурсы, они тем самым выполнили бы свое задание. Также следует помнить и об интересе фарминдустрии, врачебном честолюбии, воодушевлении от достигнутого, а также о значительной материальной выгоде, которая способствует дальнейшее распространение трансплантологии. Стоит задуматься над тем, что моральные соображения у нас не особо высоко ценятся. Гораздо более распространена другая точка зрения — человек имеет право делать всё, что он может сделать. Также мы можем видеть, что медицинская этика играет в структуре медицинского образования очень незначительную роль. Если сегодня еще какая-то этическая аргументация и ведется, то только с позиций пользы и целесообразности, субъективно, а не исходя из сущности вещей. Как, например, в нашем случае: некто в любом случае умрет, в то время как другой сможет жить дальше, если пересадить ему жизненно-важный орган. Человек тем самым становится инструментом и орудием, само его достоинство и неприкосновенность подвергаются сомнению, попирается основополагающий этический принцип, что никто не имеет права распоряжаться человеческой жизнью. Отвержение фундаментального права и следующий из этого юридический позитивизм изменяют до неузнаваемости наш взгляд на этическую оценку трансплантологии, которая имеет собственную динамику развития. И здесь уже не идет речь только о трансплантологии, здесь идет речь о биологии в микроаспекте вообще. Этот путь приоткрывает нам бездны, которые являются даже более разрушительными в плане последствий, чем микрофизика. И задачи, встающие

ввиду этого перед Церковью, являются задачами первостепенной важности. Стоит задуматься над тем, что не всё то, что является теоретически возможным, допустимо на практике. Хотя это и является прагматичным аргументом против трансплантологии, но и на такие аргументы в данном контексте не стоит закрывать глаза. Потому что в связи с этим, независимо от ответа на вопрос, жив или мертв пациент с мозговой смертью, стоит вспомнить о том, что пересадка органа является серьезной нагрузкой для организма реципиента, что во многих случаях она может не удасться или что через короткое время может возникнуть потребность в повторной пересадке, а также, что подавление иммунной системы при существующих условиях порождает новые, подчас смертельные заболевания. Кроме того, человек с пересаженным органом более никогда уже не будет вести жизнь абсолютно здорового человека. Постоянное врачебное наблюдение после трансплантации является очень трудоемким и дорогостоящим, и оно чрезвычайно обременительно для реципиента. Это прагматичные соображения, но они также обосновывают законность соображений принципиальных. Вместе с пересадкой органа разрабатывается лечение, которое (об этом тоже стоит вспомнить) в связи с непомерно высокой стоимостью не может продолжаться длительное время, особенно если оно применяется не избирательно, а ко всем подряд. Уже сегодня больничные кассы и политики отмечают резкое возрастание расходов, связанных с заболеваниями. Кроме того, ни о каком полном излечении реципиента не идет и речи. За редкими исключениями, такие пациенты физически и психически привязаны к посторонней помощи и наблюдению. У них резко возрастают страхи перед новыми, обуслов-

ленными самой трансплантацией заболеваниями, а также чувство вины, причем не только в случаях с пересадкой сердца. Зачастую пересаженный орган отторгается собственной иммунной системой, так что встает вопрос о необходимости повторной трансплантации, если она в принципе возможна. Всё вместе это означает для пациента значительное бремя, если не сказать, настоящее мучение, несопоставимое с временным продлением жизни. Трансплантология превосходит возможности человека. В сущности, она позволяет понять, что бытие человека как личности и присущее ему достоинство либо не осознаются, либо не берутся в расчет. И это в принципе та же самая проблема, которая возникает и в отношении одобрения эмбриональных исследований, абортов, оплодотворения *in vitro*,* а также эвтанази.

– Господин профессор, сердечно благодарю Вас за интервью.

Der gerade Weg, № 1, 2012

пер. с нем. Е. В. Марковой

---

* В пробирке (лат.). — *Прим. ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

Лев XIII, Окр. Посл. <i>Libertas praestantissimam</i>	3
Свящ. Ш. [И.] К. Пеццутти. Уничтожение свободы во имя свободы: предостережение Папы Льва XIII против либерализма как врага истинной свободы	40
Д. Э. Пучкин. Свет Предания над Россией*	58
И. Л***. О возрождении традиционализма в России*	77
А. А. Тетушкин. Традиция*	81
Органное донорство: Могут ли быть у трупа живые органы (интервью Kath.net с проф. свящ. Й. Шумахером).	83

---

* *Статьи, опубликованные в рубрике «Досье номера», носят дискуссионный характер и могут выражать мнения, не совпадающие с позицией редакции.*

A. M. D. C.